

**Андрей КРУЗ,
Мария КРУЗ**

**ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ
ЗА ДРУГИ СВОЯ**

Мария Круз

Андрей Круз

Земля лишних. За други своя

Серия «Земля лишних», книга 3

<http://www.litres.ru>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182113

Земля лишних. За други своя: Альфа-книга; Москва; 2012

ISBN 978-5-9922-0393-6

Аннотация

Чем ближе к цели, тем трудней становится идти. И тем чаще приходится выбирать, как поступить, чем или даже кем пожертвовать. Оправдывает ли цель эти жертвы и что делать, когда выясняется, что жертвовать надо уже самим собой? Кто тебе друг, кто враг, а кто временный попутчик? Новая жизнь и новый мир продолжают подкидывать проблемы и задавать вопросы снайперу Андрею Ярцеву.

Содержание

Суверенная Территория Техас, г. Аламо	4
Суверенная Территория Техас, г. Аламо	10
Суверенная Территория Техас, г. Аламо	15
Территория Ордена, г. Порто-Франко	24
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	29
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	40
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	57
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	73
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	80
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	88
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	99
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	110
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	115
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	123
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	128
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	130
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	131
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	132
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	133
Территория Ордена, остров Нью-Хэвен	141
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Андрей Круз, Мария Круз

За други своя

Суверенная Территория
Техас, г. Аламо
22 год, 9 число 10
месяца, суббота, 09.00

Утром следующего дня мы вылетели в Аламо. Настроение у нас было более чем бодрое – я рассказал Боните все подробности своей встречи со Смитом. С какого угла ни смотри, какими словами ни называй, но Смит перешел на нашу сторону. К нашему счастью, Родман оказался настолько мерзкой фигурой, что по-настоящему сохранять ему верность мог бы лишь последний подонок – из числа тех, какие встречаются редко. А большинство сотрудников Ордена набрано в основном из относительно нормальных людей, пусть даже излишне зацикленных на карьере и достижении цели любыми средствами. Спать с начальницей-лесбиянкой за должность и подсидживать сослуживцев – это совсем не то же самое, что торговать наркотиками и поставлять молодых девушек убийце-извращенцу.

Поэтому я знал, что новая информация, полученная от Хоффмана, пленных Диджуни и Володько, все приключившееся с нами послужит прекрасной дополнительной мотивацией для Светланы, когда мы увидимся с ней и когда я попрошу ее о помощи.

Насколько я успел понять Светлану, для нее это было бы настоящей «сверхмотивацией». А если учесть еще и немалые деньги, которые я рассчитывал извлечь из сейфа Родмана и разделить между ней, Смитом и собой, то чистота помыслов в борьбе с врагом поднималась для моих новых союзников на недостижимую высоту. Одно дело играть против собственного босса лишь для того, чтобы занять его кабинет, и другое дело – бороться за его кабинет еще и с благородными целями. И не бесплатно. Цинично? Ну есть немного, не без этого, но так уж я смотрю на вещи. Лучше всего, когда высота помыслов влечет за собой еще и материальную выгоду.

Погода была потрясающей, самой что ни на есть летной, в небе не было ни одного облачка, заправленный и проверенный перед вылетом самолет несл нас в Аламо бодро и радостно. Джей-Джей сэкономила не топливо, а время, поэтому мотор отдавал семьдесят пять процентов мощности вместо обычных пятидесяти пяти, и весь путь до Аламо занял у нас всего четыре часа с небольшим.

Джей-Джей посадила «сессну» плавно, как на перину, подрулила к обычному ее месту стоянки, где и заглушила мо-

тор. Мы втроем выбрались из машины, потягиваясь и разминаясь, и к нам на горном велосипеде подъехал среднего роста худощавый мужчина с седой бородой и темным, как старое дерево, загаром. Это и был Уилл Хитфилд, владелец «сессны» и всего аэродрома города Аламо. Мы поздоровались, он поинтересовался нашими впечатлениями от полета и от машины.

– А какие еще могут быть впечатления? Мы успели сделать в несколько раз больше, чем если бы ездили на машине, – ответила вместо меня Хитфилду Мария Пилар.

– Ни пыли, ни тряски, в удобном кресле. Чем плохо? – поддержал я Бониту. – Мечта!

– Видите вон тот «Пайпер Семинол»? Двухмоторный? – Хитфилд показал на стоявший неподалеку небольшой красно-белый двухмоторный самолет.

– И что? – спросил я.

– Это самолет моего приятеля, – ответил Уилл. – Самолету восемь лет, он в прекрасном состоянии, все время в одних руках, а теперь Джим его хочет продать. Хорошая машина от хорошего пилота, несет больше тысячи ста фунтов груза и летает на ста семидесяти узлах почти на восемьсот морских миль. Два «лайкаминга» по сто восемьдесят сил каждый. Хорошая, крепкая машина. И у него есть еще один, десятилетний «Пайпер Арроу», одномоторный, мотор в двести сил, делает почти сто сорок узлов, летает на восемьсот восемьдесят миль, поднимает девятьсот шестьдесят фунтов

груза. Состояние хорошее, но у него было два владельца. И еще я знаю один самолет, десять лет, «Бич Бонанза», летает на ста восьмидесяти узлах почти на тысячу морских миль, поднимает тысячу двести фунтов, и у него самый комфортабельный салон, самый просторный, два человека экипажа и четверо пассажиров сидят лицом друг к другу. На мой взгляд, если у вас большая компания – лучший выбор.

Я аж крикнул после такого объявления:

– Уилл... мы, разумеется, не против покупки самолета, но мы ведь не миллионеры... – осторожно ответил я впадшему в «торговый восторг» владельцу аэродрома. – А банки, насколько мне известно, кредиты под покупку самолетов здесь не дают, потому что гибнут одновременно и залог, и владелец, и спрашивать уже не с кого. А цены на покупку здесь не такие, как в Старом Свете.

– Если о ценах, то «семинол» стоит триста девяносто тысяч, и можно сторговаться до трехсот семидесяти, как я думаю, – сказал Хитфилд. – За «бонанзу» хотят четыреста пятьдесят, а за «арроу» – двести пятьдесят. Это уже хорошая цена здесь.

Я задумался. Двести пятьдесят – это более или менее нормально. У нас такие деньги есть, если пересчитать все резервы. Разумеется, пока всем выдано лишь по десять тысяч экю, и люди рассчитывали на большее. Я уже всем сказал, что помимо добрых дел мы еще и зарабатывать будем. Кроме того, надо возвращать кредит Русскому Промышленно-

му банку, надо отдавать «перенти» или выплачивать стоимость в финчасть Первой дивизии. Надо иметь оборотные средства в оружейной торговле. Проект, который предлагает Джо, тоже неплох, мы можем неплохо зарабатывать в этом форте и еще займем неплохо укрепленную, вполне безопасную базу. Но и иметь хотя бы один маленький самолет на всю группу хотелось бы. Как мы сейчас лихо справились с заданием? А так бы тащились где-нибудь с колоннами, глотая пыль. Сколько времени бы потеряли? А сколько раз приходилось по несколько дней ехать в Порто-Франко из Аламо, чтобы потом быстро вернуться? Но дорого, черт возьми, дорого. «Сессну» бы вот такую, на которой летали... Она дешевле. Но и намного старше. Или вон Ан-2, ветеран: в него вся группа влезет. Правда, бензина он жрет куда больше... Да и обслуживать его можно только в ППД.

– Уилл, я сейчас не готов что-нибудь сказать, – ответил я очень честно. – Может быть, если в ближайшее время у нас дела пойдут хорошо, я заинтересуюсь этим. В течение месяца примерно. Но сказать что-то раньше не могу. Не хватит денег.

Я увидел, как при этих словах поскучнело оживившееся было лицо Джей-Джей. Она явно уже видела себя в роли постоянного пилота.

– Хорошо, – сказал Уилл. – «Арроу» с «семинолом» стоят на поле в Джексон-Сити, не думаю, что их сумеют продать быстро. И сезон дождей на носу – скоро не до полетов будет.

Может, его и купят, но уже в начале следующего сухого сезона: никто не захочет потратить деньги и не пользоваться вещью несколько месяцев. «Бонанза» в Вако, но раз нужно – ее пригонят сюда, если не купят до того времени. Надумайте – обращайтесь, знаете, где меня найти. Я здесь каждый день, с утра и до ночи, даже ночью здесь. Джей-Джей знает.

Джей-Джей подтвердила, что знает. Ну и умница, мы теперь тоже знать будем, осталось только достаточно разбогатеть. Вот ограбим Родмана – и разбогатеем. Если нас там не прихлопнут, разумеется.

Суверенная Территория

Техас, г. Аламо

22 год, 9 число 10

месяца, суббота, 15.00

– Итак, давай по порядку. Ты вылетаешь на остров первым. Так? – спросил меня Дмитрий.

– Так, – подтвердил я. – У меня другая личность, я сниму виллы и возьму машину. Затем вылетают Джо, Бонита, ты и Джей-Джей. Вас проведут без всякой регистрации при въезде, и больше вы нигде регистрироваться не будете. Кроме Марии Пилар: ей, как и мне, сделают новый Ай-Ди, а на острове внесут в список сотрудников Отдела специальных операций. Этого будет достаточно, чтобы иметь возможность открыто носить оружие и исключить любой интерес – как к себе, так и к тем, кого мы будем сопровождать. Когда вы прилетите, я возьму еще одну машину, на этот раз служебную. Таким образом, мы образуем две группы, в каждой из которых будет по одному человеку, имеющему документы Ордена, и у каждой группы есть машина. Поскольку почти вся деятельность этих групп будет сосредоточена в той части острова, где можно передвигаться свободно, никаких проблем для их деятельности я не вижу.

– Деятельность – разведка? – еще раз уточнил Джо.

– Именно, – подтвердил я. – Точнее, разведка и подготовка операции.

– А пока я не прилечу, что ты там собираешься делать? По девкам ходить? – с подозрением спросила Бонита.

Все вокруг захихикали, Джей-Джей зааплодировала.

– Своевременный вопрос, – вздохнул я. – Как раз по плану операции. Докладываю: буду готовить базу для размещения жены.

– Ага, верится мне, – кивнула Бонита.

Мы сидели во дворе у Джо вокруг барбекю, на котором жарились свиные ребрышки. Были Джо, наш новоиспеченный пилот Джей-Джей, Дмитрий, Мария Пилар и я. Раули-то и братья Рамирес еще до нашего прилета выехали в Порто-Франко. Их задачи на будущее были теперь понятны, в Аламо им делать было нечего, а вот в Порто-Франко дел хватало.

– Придется вам, девушка, в таком случае познакомиться с термином «доверие между близкими людьми», – улыбнулся я.

– У нормальной женщины выбор всегда один – или никакого доверия, или муж убежал к продажным девкам, – авторитетным тоном заявила Бонита. – Третьего не дано!

– Умница. Бдительность – наше оружие, – согласился я с ней, по обыкновению. – Ладно, теперь к делу. На всю разведку и подготовку у нас будет около трех дней, по расчетам

Смита. На третий день придут Раулиты и братья.

– А почему не сразу? – спросила Джей-Джей.

– Потому, что у нас очень уж характерная компания, – объяснил я. – Возможно, что нас где-то заметили раньше. Двое русских, девушка-латиноамериканка, четыре брата, по которым их родство заметно, и маленький латиноамериканец-подрывник. Обращаем на себя внимание.

– Понятно, – кивнула она.

– Джей-Джей в драку не лезет, ее задача – вылететь на том, на чем скажут, и туда, куда покажут. Сопровождать ее будет Джо в качестве силовой поддержки и прикрытия. – Я обернулся к семейству Дженсенов: – Вы захватываете самолет с экипажем и пассажирами. Самое главное – самолет должен долететь до аэродрома. И остаться на этом аэродроме. Вас встретят, заберут груз, затем отвезут в Аламо. Джо, твоя задача – приглядывать за пассажирами, сколько бы их там ни оказалось. Даже если весь самолет будет забит вооруженными людьми, дернуться они не должны. Держи под контролем все и вся, включая настоящего пилота. Джей-Джей! Посмотри на меня.

– Что? – взглянула на меня дочка Джо.

– Самолет остается на аэродроме. Навсегда, – сказал я в категоричной форме. – Вам дают машину, и на ней вы едете домой, в Аламо, где и дожидаетесь нас. И нас не волнует, что с ним, самолетом, будет дальше. Оставить его себе мы не имеем права. Это понятно? Не имеем права – и все тут.

– Хорошо, – вздохнула она тяжело. – Но жалко.

Я оставил последнюю ремарку без комментариев, поскольку самому жалко, и продолжил:

– Этот урод Бернстайн приезжает раз в месяц на три или четыре дня. Я имею в виду старосветский месяц. Приезжает регулярно, как часы, если верить Хоффману. Даже учитывая то, что часть товара исчезла вместе с Хоффманом, кое-что Бернстайна должно ждать здесь. Хоффман уже возил кокаин на Нью-Хэвен. Думаю, и Смит со мной согласен, и Хоффман это подтвердил, что и девушек Бернстайну найдут. Не бросят его, не обидят – он же на них рассчитывает. Если он будет – действуем по плану. Если Бернстайна не будет – доберемся до него в другой раз. Он все же не главная цель операции.

– Главная цель – аэропорт? – спросила Бонита.

– Станция радиолокационного наблюдения и аэродром, – уточнил я. – Именно эти два объекта являются нашими главными целями. Мы можем упустить Родмана, не дожидаться Бернстайна, не завалить Маллигана, «не», «не», «не» и еще тысячу раз «не», мы можем упустить все и все облажать, но мы не можем облажаться с аэродромом и РЛС. Прошу учесть.

– А если Родман сменил код сейфа? – спросила Мария Пилар.

– У нас с собой Раулито, – пожал я плечами. – Он уже взрывал такие сейфы. Откроем.

– А если все пойдет не так, то как эвакуируемся? – спросил Дмитрий.

– Ты имеешь в виду, если вся операция рухнет с самого начала?

– Именно, – кивнул он.

– Тогда будем решать проблемы по мере их поступления, – развел я руками. – Транспорта на острове много, будем что-то захватывать. Других вариантов у нас нет, спланировать что-то точнее не получится. Еще вопросы?

– Есть несколько. Около миллиона примерно, – кивнул Джо.

– Начинай с самого первого.

**Суверенная Территория
Техас, г. Аламо
22 год, 11 число 10 месяца,
понедельник, 08.00**

Воскресенье мы провели прекрасно, как и собирались. Из всего, что делалось «по делу», можно только упомянуть, что я собрал вещи и оружие. И на этот раз багажа у меня получилось немало и уменьшить его количество не получалось. Раз уж влетаю я на остров без досмотра, то следует воспользоваться этим от и до, протащить все, что получится. Хорошо, что здесь одежда только летняя требуется: хоть брюки, рубашки «поло» и мокасины много места не заняли – все в одну небольшую сумку влезло. А вот остальное... Камуфляж, да «леший», да подвесная, да сумки-подсумки на нее, да ботинки для горного туризма, да то, да се... Ну и «армалайт» в пластиковом футляре, и сотня патронов к нему – это моя главная сила. Снайпер с такой винтовкой да на хорошей позиции может многое сделать: роту может сдерживать, если правильно действует. Тот же американец Хикок во Вьетнаме, меняя позицию, перестрелял чуть не роту вьетнамцев, прижав их на рисовом поле. Новобранцев, правда, и вели они себя глупо, лишившись командования, но рота

есть рота... А Зайцев с товарищами атаку пехотного полка в Сталинграде сорвали, выбив у них все командование чуть не до взводных.

Как дополнительное оружие «девятку» прихватил. Она и компактная, и легкая, и мощная, и глушитель к ней очень хорош, и до двух сотен метров это оружие смертельно, не хуже «вала». Бесшумное оружие, правильно примененное, может быть большой силой. Поэтому и ПСС прихватил с собой. Пусть неметкий и неуклюжий, но котенок громче пукает, чем он стреляет своими тупыми стальными пулями.

Ну и неизменная «гюрза», само собой. С бронебойными СП-10 на ближних дистанциях куда как эффективна. И прихватил с собой «беретту» – ту самую, что в день приезда в Новую Землю с первыми трофеями взял, с одним запасным магазином. Мало ли... Ее и потерять не страшно, и ничто ее со мной не связывает. А самое главное – глушитель на нее ставится без проблем: свинти только колпачок с дула. И глушитель в наличии.

Гранаты взял – две РГО и две Ф-1. Наступательных вообще не брал, да и до гранат доводить дело не хочется. И так все не унести. Еще бинокль с дальномером и радиостанцию. Все, больше ничего не поташу – и так все самое дорогое беру, ценное, а как бы не пришлось все это хозяйство там бросать. Драпать-то, как ни крути, придется. И обидно будет до слез. Винтовочный футляр и две большие сумки. Мне ведь еще одежда нужна там нормальная помимо военно-полевой.

Выбрали мы с Бонитой по фальшивому Ай-Ди, любезно выданных нам карьеристкой Катей. Алексей Яковенко и Мария Гомез. Яковенко из Украины прибыл в Новую Землю, благо благодаря бабуле-украинке и летним каникулам, проводимым в деревне под Полтавой, язык я знал неплохо, точнее, даже не язык, а «суржик», а уж говорить с акцентом – так вообще проще некуда для меня. А наша Мария Гомез прибыла в Новый Свет из Колумбии, для работы на территории которой ее готовили на Кубе в свое время, пока планы командования не изменились.

Этим «личностям» предстояло легализоваться на острове и, если что не так, исчезнуть бесследно. Для них обоих были открыты банковские счета в Банке Ордена, и на них еще в пятницу, в Нью-Галвестоне, попали некие относительно круглые суммы. Не миллионы, но оплатить аренду виллы и машины хватит. И об этих личностях заранее известно Светлане – она готова их там встретить. Впрочем, имен она пока не знает, знает лишь то, что мы попросим ее помочь с нашим приездом. А поможет нам на самом деле Смит, раз уж он теперь с нами в сговоре.

На следующее утро Бонита завела свой архаично выглядящий, но надежный как молоток «бандейранте» и повезла меня на аэродром, где дожидалась Джей-Джей с нанятой «Сессной Скайлэйн», побольше прежнего «кардинала» и поновей. Правда, и аренда нам обходилась в два раза дороже. Теперь нам предстояло лететь аж в Порто-Франко. Долгий

перелет на две с половиной тысячи километров, с промежуточной посадкой и дозаправкой, больше двенадцати часов в воздухе. В этом самолете можно было, при отсутствии пассажиров, снять задние сиденья и поставить два дополнительных бака, вмещающих еще сто литров топлива, но на таком расстоянии это ничего не меняло: все равно одна дозаправка в пути, как ни крути.

Мы поздоровались-поцеловались с Джей-Джей, я закинул багаж в салон самолета и уселся на сиденье второго пилота. Перелет долгий, лучше подстраховать. На вынужденную посадку в саванне у меня умения не хватит, но на уровне «взлет-посадка в нормальных условиях» я обучен. Ориентироваться в полете я тоже могу, а уж вести самолет по прямой особого умения и не надо – разве только на случай попадания в турбулентные потоки следует его контролировать. Для обязанностей второго пилота умений достаточно. Тем более что пилоту первому предстояли трудные дни. Доставив меня в Порто-Франко, она должна была немедленно возвращаться в Аламо, где на следующий день надо было взять на борт Бониту, Джо и Дмитрия и уже с ними лететь в Форт-Линкольн, где они должны были пересесть на очередной орденский челнок, улетающий на Нью-Хэвен. Еще с ними летел сын Уилла Хитфилда – Джим, который должен был перегнать самолет обратно на аэродром Аламо. В общем, налетается Джей-Джей в ближайшие дни по самое «не могу».

Джей-Джей запустила двигатель, винт закрутился, выле-

тели в стороны клубы синего дыма из выхлопных патрубков. Прогреваемся, сейчас полетим. И на этот раз мы уже полетим к той самой, конечной цели, ради которой рисковали головой, захватывая судно посреди моря, вступая в бой с наркоторговцами в мангровых болотах дельты Амазонки, ради которой идем на прямой конфликт с самой большой силой в этом мире – Орденом. Теперь или все получают то, к чему стремились, или... даже не хочется думать, что будет, если наступит это самое «или».

– Джей-Джей, ты хоть соображаешь, в какую мясорубку суешь голову? – спросил я следящую за датчиком температуры девушку.

– А что? – спросила она. – Что-то не так?

– Все так, просто можно очень просто без головы остаться. Ты уже не маленькая, понимаешь, где собираемся бардак устроить. Орден вряд ли будет счастлив.

– Орден может трахнуть себя, если такой нежный, – выпитив нижнюю губу, заявила она. – А мне такая работа интересней всего, что может быть. Интересней, чем гонки. Мария Пилар ненамного меня старше, а участвует в каждой заварухе. К тому же мне нравится летать, и мне нравится идея получить тридцать тысяч экю в финале. И я могу защитить себя, ты же знаешь.

– Прогрелись, кажется?

– Похоже на то, – кивнула она. – Будем взлетать.

Джей-Джей вызвала диспетчера, сообщила о взлете, по-

лучила добро. Все же здесь авиацию тоже не успели забюрократить – ни бортовых номеров, ни полетных планов, даже удостоверений пилота не существует. Вместо бортовых номеров – позывной, который ты сам себе придумал и можешь хоть каждый день менять, а вместо пилотских сертификатов... Умеешь летать – летай на здоровье, пока не грохнешься. А если грохнулся, то получается, что не умеешь летать, значит, не летай в таком случае. Вот и весь сертификат. Здесь даже водительских удостоверений нет, нет регистрационных номеров – ничего. Как раньше лошади у людей были. Хочешь – клеймо поставь, не хочешь – не ставь, твои проблемы. На первый взгляд странно, но на самом деле нормально. Больших городов здесь нет, поэтому надзор за тем, чтобы пьяные подростки на родительских машинах по улицам не гоняли, очень простой – все друг друга в лицо знают.

Зато нет у людей затрат на содержание больших бюрократических структур вроде тех, которые тебе за твои же деньги дают право водить или такового права лишают. Вообще здесь функции государства на всех территориях представлены очень зачаточно – лишь в рамках самого необходимого. Оборона, рост экономики и поддержание правопорядка. Все. Люди в остальном сами регламентируют свою собственную жизнь и, как ни странно, не помирают от того, что за каждым их шагом специальный чиновник не наблюдает. Здравый смысл – он тоже хороший сдерживающий фактор, а опасность быть или убитым, или съеденным, или уве-

денным в рабство, если ты ведешь себя глупо, очень способствует развитию конструктивного мышления. Трудно сказать, как здесь пойдут дела дальше, наверняка снова возникнут государства в полном объеме, выстроят всех по линейке и ранжиру, как бы даже во имя общего блага, запретят все, что можно, а то мы как дети неразумные – без надзора перемрем все. Чтобы потом по чуть-чуть разрешать. Но пока... Пока здесь жизнь чуть ли не по Бакунину, как ни крути. Анархия – мать порядка. Утрирую, конечно, но не слишком сильно. И ведь есть порядок – своеобразный, правда, но есть.

Зафилософствовался я что-то, а мне о деле думать бы надо, об операции предстоящей. Мы вот уже взлететь успели, высоту набираем над волнистой колышущейся поверхностью саванны, где пасутся стада всевозможных животных, на курс ложимся. И лететь нам по этому курсу шесть часов до первой промежуточной посадки на дозаправку. Сначала мы пересечем всю Территорию Техас, пролетим над Северной Дорогой до ее границы с Американскими Соединенными Штатами, уйдем немного северней вдоль долины реки Рио-Бланко, несущей свои воды на юг, к Большому заливу. Затем мы сядем на большом, но уединенном аэродроме в саванне, возле которого находится лишь форт-заправка, несколько магазинчиков и мастерские. Больше в этом месте нет ничего, но воздушное движение здесь очень оживленное. Самолеты такого класса, как тот, на котором мы сейчас летим, и составляют основу гражданской и всякой другой авиа-

ции в Новой Земле. Есть и более легкие, но они редко летают между территориями, у них чаще другие функции. А таким, как эта «Сессна Скайлэйн», со средней дальностью полета в полторы тысячи километров плюс-минус сотня, при перелетах через этот пустынный кусок земли требуется дозаправка. Иначе никак не попадешь на нем, скажем, из Техаса или Конфедерации на ту же французскую территорию Евросоюза или в континентальные британские владения. И три предприимчивых брата Леру, французы, работавшие раньше в аэропорту Шарля де Голля возле Парижа, организовали этот самый аэродром «подскока» посреди, казалось бы, совсем безлюдной саванны, рассчитав с математической точностью ту точку, где сходится большинство маршрутов полета. Взяли кредит в орденском банке, наняли людей, организовали охрану, построили первую грунтовую ВПП, разместили заправки и... немедленно заполучили великое множество клиентов. Восемьдесят процентов самолетов, летящих над северной половиной населенного мира, с запада на восток или наоборот, делали посадку на аэродроме братьев Леру. Место стало развиваться, к нему притулились торговцы, механики, появились даже маленькие, но вполне комфортные гостиницы. Дело процветало.

Раза три на аэродром совершались налеты банд, но владельцам и персоналу аэродрома удавалось отбиваться с помощью трех пожилых, но полностью модернизированных броневигов «феррет» со спаренными крупнокалиберными

пулеметами и удачно расположенных на высотах вокруг поля огневых точек. Оборону здесь организовывал бывший майор французского Иностранного легиона Дюпре, которому теперь принадлежали склад запчастей и две гостиницы на этом аэродроме.

Вот к этому примечательному месту и лежал наш путь.

**Территория Ордена,
г. Порто-Франко
22 год, 11 число 10 месяца,
понедельник, 25.00**

Если на меньших расстояниях выигрыш времени был не так заметен, то на таком, как сегодня, преимущества полета были видны сразу. Пусть мы летели медленно по современным стандартам, со скоростью, нормальной для самолета тридцатых годов двадцатого века, пусть мы три с половиной часа провели на аэродроме братьев Леру, заправляя «сессну», обедая в маленьком кафе у летного поля и, главное, посетив туалет, но мы за один день покрыли путь, который до этого занимал у нас пять дней. Вот тут поневоле задумаешься – не следует ли обзавестись для отряда собственным самолетом? Сколько там «Пайпер Арроу» стоит? Двести пятьдесят тысяч экю? Все же у нас еще с полмиллиона в загашнике имеется... которые, по-хорошему, надо бы отдать дальше, в штаб... Но мы ведь еще Родмана грабить собираемся... Эх, и хочется, и колется, и мамка не велит... Мы ведь могли бы деловые поездки ускорить до одного дня в любом направлении: это себя окупит. Мы за этот полет сожгли чуть больше пятисот литров авиационного бензина

по цене полтора эю за один литр. Автомобиль «перенти» сжигает за этот же путь около шестисот пятидесяти литров дизельного топлива по цене семьдесят центов за литр. Всего лишь в два раза дешевле по топливу и в пять раз дольше по времени. Дело того стоит, как мне кажется. Сам по делам на самолете, а товар может и с экспедиторами, в составе конвоя ехать. Ох, шибко думать надо, шибко!

В общем, приземлились мы с Джей-Джей в Порто-Франко вечером, уже сумерки начались, но все же успели до темноты. Не пришлось отыскивать аэродром по радиомаяку и садиться по световым сигналам. Дорулила наша пилотесса «сессну» до указанной стоянки, заглушила утомившийся за день двигатель. Распахнули дверь, вылезли наружу, потягиваясь, прыгая и старясь всеми возможными способами размять затекшие спины, конечности, шеи. Но все равно хорошо, что за день управились.

К нам от домика начальника аэродрома подъехал открытый старенький «Лэндровер 110», местами заметно ржавый, а другими местами – битый, работавший в пределах забора транспортом по доставке людей и багажа от самолетов до ворот и обратно. Пожилой дядька с бородой и в черной бейсбольной кепке жестом предложил нам забрасывать в кузов сумки и садиться в машину самим, после чего мгновенно домчал нас до выезда. Мы зашли в диспетчерскую, уплатили за суточную стоянку самолета, поинтересовались – как бы обзавестись машиной в прокат?

За суточный прокат машины с нас взяли еще двадцать пять экю и к самым дверям подогнали совсем новенький «Сузуки Самурай» испанской сборки, выкрашенный в белый цвет с ярко-красными диагональными полосами, чтобы было видно, что он принадлежит аэродромной прокатной компании. Мы перекинули вещи из старичка «сто десятого» в чуть удлиненный кузов «самурая», попрощались и выехали за ворота аэродрома. Спускались сумерки, и я зажег фары. У блокпоста на въезде в город нам опечатали оружие в сумке, зарегистрировали Ай-Ди, причем я уже предъявил фальшивый, сработавший безукоризненно. В город въехал бывший гражданин Украины Алексей Яковенко.

Через пятнадцать минут мы уже получали два номера в мотеле «Арарат», и мне при этом приходилось буквально отбиваться от наседавшего Саркиса, обещая ему лишь только забросить вещи в номер и сразу же явиться к ужину. К присутствию юной и красивой Джей-Джей он отнесся весьма подозрительно, в готовности встать на защиту прав и интересов Бониты, но, когда я отрекомендовал ее как дочь своего друга и пилота, Саркис окончательно расцвел, осыпал ее комплиментами, сумев все же засмущать никогда до того не смущавшуюся девушку, и взял с нее клятву немедленно по выходе из душа явиться в ресторан.

В общем, уже минут через двадцать мы сидели за столиком. Все было как всегда, и как всегда было приятно. Прибежал Билл, долго жавший нам обоим руки и хлопавший уже

меня одного по спине своей тяжелой толстой рукой. Саркис блистал гостеприимством, кормил нас и поил. Принимал гостей, в общем. Требовал рассказов, слушал, ужасался, болел, радовался. Он вообще был благодарным слушателем с хорошей привычкой не превращать рассказ в сплетню. Обычно рассказанное ему с ним же и оставалось, поэтому он был награжден достаточно полной версией описания наших приключений. Был рассказ и о захвате судна злобных работорговцев, поведал я ему историю о бое в мангровых болотах с последующей погоней за нами, рассказал и о гигантском крокодиле, и об освобожденных пленных. Джей-Джей и сама толком наших приключений не знала, поэтому слушала, открыв рот. При этом в глазах у нее явно читалась мысль: «Черт, как же я могла все это пропустить? Ну только попробуйте обойтись без меня в будущем!»

Саркис узнал, что я заинтересовался самолетами «на предмет купить», и сказал, что у него есть знакомый, торгующий доставляемыми через «ворота» самолетами, причем торгует он ими прямо здесь, на аэродроме Порто-Франко, так что вполне можно будет с ним поторговаться, если найдется что-то приемлемое.

К сожалению, как ни гостеприимен был наш друг, но нам пришлось уйти спать, не засиживаясь особо. Все же завтра вставать всем рано, а Джей-Джей еще и длительный одиночный перелет предстоял. Саркис сунул мне на прощание распечатку финансового отчета по магазину, и мы разошлись

по домикам. И в двадцать восемь ноль-ноль уже спали.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 12 число 10
месяца, вторник, 15.00**

Смит меня не подвел. Когда уже знакомый мне «геркулес» приземлился на аэродроме Нью-Хэвена и транспортер доставил меня и еще с десятков разных людей с багажом и без багажа к контролю, он встречал меня там. С ним стоял орденский патрульный. Сержант провел меня вместе с сумками и оружейными чехлами мимо контроля, после чего Смит подхватил одну из моих сумок, и мы вышли на стоянку перед зданием аэропорта.

– Как долетели? – спросил он.

– Спасибо, все в порядке, – поблагодарил я. – Проспал весь полет по обыкновению. Я вообще не зарегистрирован на въезде?

– Вообще, – покачал головой Смит. – Вас нет. Но в пределах острова Алексей Яковенко числится сотрудником нашего отдела, поэтому вы можете проходить любые проверки, носить любое оружие и бывать где угодно, только не злоупотребляйте этим. И с Родманом случайно не столкнитесь нигде.

– Бернштейна нет? – спросил я.

– Нет, но Маллиган сегодня вылетает в Нью-Рино. Подозреваю, что оттуда высылают новую партию наркотиков и других девушек. Такой спешки не было бы, если бы не ждали визитера.

– Похоже на то. Эта машина? – показал я на уже знакомый открытый «сто десятый».

– Да, она самая, – подтвердил он. – Садитесь, по пути поболтаем.

Мы погрузились в машину, Смит сел за руль и вывел «лэндровер» со стоянки на дорогу.

– Я подготовил вам подробную карту острова с теми пометками, о которых вы просили. – Он протянул мне большой белый конверт, вытащив его из зажима за солнечным козырьком. – Я обозначил на ней те места, куда вам нет доступа, какими, собственно говоря, являются лишь «Территория частных владений», ну и просто обычная частная собственность, как и в любом другом месте. Зато теперь, если захотите, вы можете в любую секунду сбежать в Старый Свет. Если, конечно, канал будет открыт.

– Да ну? – удивился я. – И где я окажусь?

– Там несколько выходов, но в основном они расположены в закрытых частных клиниках, клубах, отелях. Кстати, это довольно дорого для тех, кто пользуется проходами – куда дороже, чем слетать первым классом из Нью-Йорка в Австралию. А вот вы свободно можете воспользоваться слу-

жебным проходом, «ворота» номер десять, и окажетесь в Вашингтоне, в подвале некоей юридической компании «Гольдман, Брук и Горовиц» неподалеку от Департамента финансов. Через «ворота» номер одиннадцать вы попадете в Лондон, в подземный паркинг офисного здания в районе Марбл Арч. Но лучше вам туда не ходить без специальной визы, подписанной вашей знакомой, которая должна «висеть» в компьютере у них. Да и вообще этим лучше не злоупотреблять, а то могут выставить счет за бездельное использование канала.

– Интересно, – усмехнулся я. – Кстати, мне нужно будет с ней увидеться.

– Ваш мобильный из Порто-Франко у вас с собой? – спросил Смит.

– Разумеется.

– Тогда запишите ее номер. Связь здесь безопасная, можете говорить спокойно.

Смит продиктовал мне номер, который я внес в память телефона. Доеду до дома – позвоню. Один союзник, Смит, у меня здесь есть, пора и второго заполучать. Светлана теперь здесь босс, у нее сила.

– Кстати насчет безопасности связи – неужели никто не слушает вообще? – поразился я.

Мне уже говорили об этом в прошлый визит, но я все же из России, привык смотреть на это совсем по-другому. Да и вообще в мире любят послушать, о чем ближние по те-

лефонам беседуют.

– Не слушают. И некому слушать, – ответил Смит. – Мобильной связью здесь пользуются обитатели частных территорий, их окружение, главы самого Ордена. И кто-то будет их слушать? Причем те, кому они еще и зарплату платят? Поймают на прослушке – акулам скормят. Самоубийц здесь нет. И вообще не годится кусать руку кормящую.

Идею скормить акулам любителей послушать чужие разговоры внутренне я принял чуть ли не с восторгом. Но виду не подал, а перешел к делу:

– Смит, теперь самое главное... – Я даже выдержал маленькую паузу. – Каким образом вы думаете заманить Родмана на аэродром?

– Очень простым, – пожал плечами Смит. – Он полетит выплачивать вам оставшиеся полмиллиона, которые у него будут при себе. Наверняка возьмет с собой Маллигана: он без него и Хоффмана за пределы острова никогда не вылетал. Я скажу, что встреча состоится прямо на аэродроме Порто-Франко, куда вы подвезете оставшиеся «стингеры» и где я смогу обеспечить ему прекрасную охрану из орденских военных. Причиной будет то, что вы требуете еще и переговоров лично с ним при обмене оружия на деньги. Вот и все. Он согласится, если будет чувствовать себя настолько в безопасности.

– Миссия секретна, я надеюсь? – уточнил я.

– Секретней некуда, но полетный план все же представ-

лен, – пояснил Смит. – Так будет лучше для нас. Пусть после взлета самолет улетит в неизвестном направлении. А в нем – Родман.

– Как он сам себя ведет? – спросил я.

– На службе его не видно вообще, – ответил Смит. – Похоже, что он в панике. Проект с вооружением бандитов на Диких островах не получился, весь его план под угрозой. Начальство его порвет на клочки, если русские успеют высадиться на островах. И клочки пропустят через мясорубку. Они все поставили на его проект. Поэтому, если он улетит с кучей наличных в неизвестном направлении, это будет понятно всем, никто не удивится и все будут искать его.

– Это хорошо, – согласился я. – Я попытаюсь подбавить к этому еще достоверности с помощью Светланы Беляевой. Попробую встретиться с ней сегодня.

Смит кивнул, как бы показав, что усвоил информацию, и продолжил:

– Родман требует от меня найти другой канал передачи «стингеров» бандитам, – сказал он. – Я пообещал, увязывая это неким образом с окончательным расчетом с вами. Это придает ему решительности лететь в Порто-Франко. В общем, выглядит он бледно и, как мне кажется, большую часть времени посвящает тому, что успокаивает начальство, обещая все исправить. За последнюю неделю его не видели в офисе ни разу.

Ну это как раз несложно предположить. Взял на себя все,

что можно, надавал обещаний, авансом заскочил на должность, даже своих людей поставил, а теперь выясняется, что ни одно из них не выполнено. Побегаете тут. И самое главное – кому наобещал? Тем, от кого его судьба, да и сама жизнь зависят.

– Смит, кстати... – спросил я собеседника. – А территория аэродрома для меня доступная зона?

– Да. Фактически вы теперь вместо Брауна, – подтвердил собеседник. – Точнее, не вы, а этот малопонятный украинец Яковенко. Я вам уже не нужен. Вам достаточно подойти к начальнику контрольной смены и вместе с ним пропустить кого угодно и куда угодно, без досмотра и формальностей. Они лишь зарегистрируют в своей базе данных: «Яковенко провел четверых», или сколько вы там проведете.

– А никакой звонок не прозвенит по поводу этого Яковенко? – забеспокоился я.

– Яковенко прошел все проверки, – заявил он. – Не думайте же вы, что я стал бы вносить непонятно кого в списки сотрудников? Он о'кей, он приехал в Новую Землю более двух лет назад, направился в Новую Одессу. Дальше никаких реальных сведений нет, потому что финансовых операций через наш банк не вел, но таких в этом мире половина, причем большая. Так что все в порядке, Яковенко – полноправный сотрудник Ордена, и точнее – разведывательной службы Ордена. У вас прав теперь – как у агента 007. И у уважаемой Марии Гомез из Пуэрто-Рико, урожденной колумбий-

ки, ненамного меньше. Она пока числится у нас как клерк, но и клерк не последнее лицо. Не стоит меня недооценивать, мое положение в этой секретной службе весьма высокое, и если уж я вас обоих легализовал на острове, то сделал это как следует. А вообще в компьютере на аэродроме висит приказ за подписью Родмана, где он поручает вам, мне или Марии Гомез провести бесконтрольно несколько человек с континента.

На последней фразе Смит усмехнулся.

– Ну ты скажи... – восхитился я. – Хорошо, я их встречу. А что с местом проживания?

– Посмотрите, – ответил он. – Вилла, где будете жить вы, принадлежит отелю «Great Mountain». Мы могли бы даже выделить ее вам за счет Отдела, но это привлечет лишнее внимание. Проживание стоит пятьсот экио в сутки, место скорее шикарное, чем просто хорошее, но его главное достоинство – абсолютное уединение. Советую оплатить просто наличными: тогда вообще полная анонимность. Для многих посетителей острова это важно.

– Я так и сделаю, – кивнул я. – Просто боялся, что наличных они избегают.

– Здесь не Старый Свет, от наличных никто не шарахается, – засмеялся Смит. – Хоть золотым песком платите, на вес. Мой совет – дайте мне наличные на неделю проживания, скажем, а лучше – на десять дней, а я завезу их прямо в кассу отеля. Тогда вас никто там не увидит. Убирать у вас будут

исключительно по вызову, так что если не станете вызывать горничных, то даже в лицо вас там знать не будут.

– Разумно, – согласился я.

– Для остальных же из вашей команды я снял виллу попроще, по телефону, причем представился Маллиганом. Вот ее как раз оплатили со счета Отдела. Для них тем же Маллиганом забронированы два прокатных автомобиля, которые доставят к дому к приезду ваших коллег. Автомобили тоже за счет Отдела.

– А сам Маллиган это никак не обнаружит? – поразился я.

– А как? – усмехнулся он. – Вот вы никогда не пробовали обзванивать автопрокатные компании, чтобы выяснить, не бронировал ли кто-нибудь автомобиль от вашего имени? При условии, что никакие счета за это вам не поступают.

– Нет, – покачал я головой, поразившись простоте решения.

Действительно, с чего бы? И какие это может вызвать подозрения? Да никаких: криминала в этом нет.

– Ну и он не станет, – добавил Смит. – С какой стати?

Пока мы со Смитом болтали, дорога вывела нас на маленький гравийный проселок, сворачивавший с основной трассы и пробиравшийся через заросли тех самых деревьев с зелено-красными листьями и красными душистыми цветами, поразившие меня в прошлый раз. По проселку мы ехали не более одной минуты, после чего «лэндровер» въехал в условные ворота-арку в высоченной зеленой изгороди

и остановился перед крыльцом длинного одноэтажного дома, построенного из дерева и стекла на фундаменте из дикого камня. Интересная архитектура – такая смесь Карибской хижины и альпийского шале. Но красиво, по-настоящему красиво. Просторная веранда во всю длину дома, огромные окна, крыша, выглядевшая как тростниковая, но на самом деле таковой наверняка не являвшаяся. Так близко от дороги – и невозможно даже разглядеть. Никаких соседей поблизости. Изумительно.

– Как вам нравится? – мне показалось, с некоторой гордостью спросил Смит.

– Здорово. Действительно потайное место. И красивое, – откровенно поразился я.

– Это верно. Знаю, что проект авторский – какой-то знаменитый архитектор из Бразилии его делал. Из той Бразилии, большой, старосветской.

– Понятно. А это?

Я показал на зеленый открытый «джип рэнглер», стоящий у крыльца.

– Это прокатная машина. Стоит восемьдесят экио в сутки, я уже за нее заплатил. В общем, вы мне должны восемь сотен. Завтра я смогу вам подогнать еще машину из орденских служебных, такой же «лэндровер», как и у меня. Тогда вы можете кататься где угодно, носить оружие открыто, а пока попытайтесь сойти за отдыхающего. Если вы будете ходить с пистолетом, но ездить на прокатной машине, то можете вы-

звать подозрения.

– Догадываюсь.

– Ну и постарайтесь до того момента удержаться от посещения мест, куда ездят исключительно по делу. Это тоже лучше делать не на прокатной машине.

И впрямь странно бы я выглядел. А пока – «чинос» и бриджи, майки и рубашки «поло», легкомысленный вид – никто ничему не удивится. И через КПП не нужно кататься, размахивая Ай-Ди сотрудника спецслужбы.

– Чем еще могу сегодня вам помочь? – спросил Смит.

– Более ничем, пожалуй, – пожал я плечами. – Где ключи от машины?

– В перчаточном ящике, в конверте. Вот ключи от дома.

Смит протянул мне две пары плоских ключей.

– Это комплект или...

– Это два комплекта, в каждом комплекте ключи одинаковые, открывают наружную дверь дома, и все, – объяснил он. – От этой виллы и той, второй, где остановится ваша группа. На самом деле здесь не бывает преступлений и вторжений – не от кого запираться.

– Понятно, спасибо.

– Располагайтесь, – сделал он приглашающий жест в сторону дома. – Номер моего мобильного не потеряли?

– Нет.

– Звоните, если что. Линия защищенная. Удачи.

– И вам удачи, – кивнул я. – Не пропустите Бернстайна.

Хотелось бы, чтобы он ответил за все.

– Если он придет – вы узнаете об этом в ту же секунду, – серьезно ответил Смит. – Могу в этом поклясться.

– Клясться необязательно, просто надо не упустить сволочь, – сказал я. – Ладно, давайте займемся делами. Дел много, времени мало, а планы у нас... куда до них Наполеону.

Я подумал: знал бы на самом деле Смит все «планов громадье» – не знаю, решился бы он мне помогать? Сомневаюсь, очень-очень сомневаюсь.

Попрощались мы со Смитом, а я достал из джипа ключи от него и пошел в дом. Отпер входную дверь из темного дерева со вставками из толстого хрустального стекла, вошел внутрь, забросив сумки в прихожую. Хорошо! Много света, широкая низкая мебель, перетекающие одно в другое функциональные пространства, стеклянная стена на море, за ним еще одна терраса – невероятной ширины, со встроенным в пол бассейном и отдельным гигантским джакузи. Действительно, очень красиво и очень дорого.

Я решил, что дела подождут, а окунуться в бассейн стоит сразу.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 12 число 10
месяца, вторник, 17.00**

После купания в бассейне я завернулся в полотенце, налил себе в высокий бокал старосветского холодного пива «Амстел», которое нашел в баре в большом количестве, вышел на террасу и позвонил Светлане.

– Беляева.

Вот так, просто и лаконично. Вы позвонили Богу, и если вам нечего сказать – повесьте трубку. Или лучше – повесьтесь сами.

– Это я, – почти столь же кратко представился я.

Пауза. Вздох. Выдох – такой резкий, что в наушнике захрипело:

– Ты где?

– На острове.

– Не шути так. – В голосе даже укоризна проскочила.

– Не шучу, – усмехнулся я. – Можешь сама убедиться.

И, в конце концов, для тебя что в этом удивительного?

– В принципе все нормально, но... Все же не ожидала.

Где ты?

– Хм... сложный вопрос, – запнулся я, вспомнив о том, что понятия не имею, какой у виллы адрес. – Я на съемной вилле... а как она называется, дай посмотреть...

Я прошел с террасы в гостиную, где видел на телефонном столике нечто вроде «памятки постояльцу». Ага, так и есть.

– Вилла «Гардения», – прочитал я в трубку. – Адрес... где тут адрес, мать его? Ага, вот: Главная Дорога, сорок второй километр. Должен быть указатель на дороге.

– Я знаю, где это. Пообедаем?

– Не сегодня. Можно как-то заказать на дом? Я еще не очень хорошо ориентируюсь здесь. Нам надо поговорить, и я хочу показать тебе нечто. Да, еще... не слишком афишируй мой приезд, хорошо?

– Разумеется. Я смогу быть примерно через час, а обед... Ты как к японской кухне относишься?

– Очень положительно, но предпочитаю меню суши-баров. Суши, сашими, рору. К горячим японским блюдам отношусь уже хуже.

– Я привезу с собой.

– Отлично, выбери на свой вкус, не скупись в количестве. И побольше васаби, хорошо?

– Договорились. Жди меня через час с чем-нибудь. Ты один там, кстати?

– Один.

– Хорошо.

Зачем последний вопрос – дело понятное. Пока мне уда-

валось бегать от нее, храня верность Боните, но сегодня будет это сделать сложнее. Наедине, в романтической обстановке... Сложно. В любом случае – сначала она посмотрит видео с Хоффманом, потом мы с ней поговорим, а уже потом попытаюсь что-то придумать в свою защиту.

Подумал, что лучше ее не провоцировать и в одном полотенце на бедрах не встречать. Вытащил из сумки шорты и просторную майку, натянул все на себя. Остальную одежду следует погладить, по-хорошему бы, но как и где это сделать в этом доме, я еще не разобрался. Но не думаю, что здесь из-за каждой рубашки надо вызывать хаускипинг: наверняка где-то найдется гладильная доска и утюг, надо лишь поискать.

Смит в машине сунул мне подробную топографическую карту острова с пометками. Вот ею и займусь, пока ожидаю, как заместитель начальника новоявленной орденской разведывательной службы доставит мне обед. Я расстелил карту на кофейном столике, убрав с него предварительно корзину с фруктами. Остров маленький, но карта большая, подробная. Каждый тропка на ней изображена, каждый изгиб дороги. Остров представляет собой на карте почти правильный овал, с левого нижнего края которого как будто выкушен небольшой кусок. Это естественная бухта, в которой базируются сторожевые катера.

В самой высокой точке острова сходятся несколько дорог. Одна дорога ведет из сектора, занимающего около тре-

ти овала, весь юго-восток, и этот сектор обведен жирной красной чертой. «Территория частных владений»: туда мне хода нет, даже со статусом сотрудника местной спецслужбы. Думаю, если Бернстайн еще больше разбогатеет, то он в этот сектор переберется – и устроит там настоящую бойню для своих жертв. И ничего ему за это не будет: даже поинтересоваться станет невозможно, чем же он там занимается. Вся территория отгорожена от остальной части острова где стеной, где сетчатым забором с «колючкой» поверху, и каждое из частных владений охраняется частной же охраной со всей возможной свирепостью.

Сектор поменьше, слева от частных владений, обведен по линии заграждений синим маркером. Туда я могу въезжать свободно. Это территория, отведенная под всевозможные службы Ордена, включая «наш» Отдел специальных проектов, как здесь обозвали разведслужбу. Всего три объекта обведены красным, но на настоящий момент они в зону наших стратегических интересов не попадают, так что и черт с ними. Мне туда не надо. Что еще здесь есть? Здесь есть расположение батальона Патрульных сил, примыкающее к бухте, на которой базируются патрульные катера. Есть местная электростанция. Все.

Нет, все же нам очень, очень повезло, что все службы находятся на юго-западе острова, потому как эта часть наименее комфортна для проживания отдыхающих в силу горного рельефа, а единственное плоское место, где и построили

аэродром, находится на северо-востоке. Охрана аэродрома сменяется, проделывая путь почти в пятьдесят километров от бухты до аэродрома, при этом они вынуждены проезжать «бутылочное горлышко» – вершину острова, где сходятся все дороги. Обусловлено это все особенностями рельефа, а заодно и вопросами внутренней безопасности. Всегда легче контролировать перемещения людей из одной части острова в другую, если существует всего один проход, но ведь есть риск, что этот самый проход может взять под контроль кто-то еще. Об этом местные власти явно не думали.

Территория грузового и пассажирского терминалов вокруг «ворот» полностью обведена синим. Очень хорошо – значит, для меня есть вход всюду. Вот это нам нужно наверняка. Как только Смит пригонит служебную машину, немедленно туда наведуясь. И синим же обозначена территория аэродрома. И это тоже очень хорошо: именно это мне и нужно.

А вот и одна из целей операции: дом Спенсера Родмана Четвертого. Расположен дом прекрасно – в самой гуще зоны, где проживают приезжие, на самом берегу, «первая линия пляжа», как обычно называют агенты по недвижимости такого рода собственность. И участок, судя по всему, у дома немаленький: порядка гектара, может быть, чуть меньше. Соседи, правда, имеются, поэтому лучше не шуметь, когда будем там действовать. И если будем.

А насчет оружия... Риска нет никакого, но если уж пере-

страховываться, то спрятать во внутренней кобуре за поясом просторных бриджей маленький и бесшумный ПСС никакой проблемы не составляет, особенно если сверху накинуть майку, а поверх нее еще и рубашку навывпуск. Все же не стоит совсем безоружным гулять по враждебной, как ни назови, территории.

Внутренняя планировка дома Родмана, равно как и его двор, очень подробно были описаны нам Хоффманом, а Хоффман там бывал везде, и неоднократно, кроме одной комнаты в подвале, где, судя по всему, сотрудник DEA Бернштейн и проявлял свою истинную сущность, наслаждаясь пытками и убийствами. Тела для захоронения в море Хоффман и Маллиган забирали от порога этой комнаты, всегда упакованные в большие многослойные мусорные пакеты. Затем они везли их в багажнике машины через весь остров к бухте Патрульных сил, там перегружали на моторную лодку, вывозили подальше от берега и сбрасывали в воду, предварительно привязав груз и вскрыв полиэтиленовую оболочку.

Хорошо, что это была именно топографическая карта, а не дорожный атлас. Были обозначены все уровни и высоты, а для нашего дела это и было самым важным. Зачем? А чтобы найти подходящие места для минирования дорог и устройства засад. Одно дело искать это все самому, на местности, а другое – с предварительно проработанной топопривязкой. Ведь как бывает? Например, есть идеальное

место для засады, обстрела автоколонны. Зажатая в узостях дорога, отличные сектора обстрела – казалось бы, чего еще надо? А надо, на самом деле, еще и смыться потом куда-нибудь после того, как отстреляешься. И если нет в этом месте удобных маршрутов отхода, то нормальная засада превращается в отчаянную акцию смертников. А разведать на местности самостоятельно подобную Нью-Хэвену территорию, разобраться, где можно пройти и где нельзя, удастся эдак месяца за три-четыре. Так что Смит нас этой подробной топографической картой порадовал. Она ведь для всех, кроме ограниченного круга служащих Ордена, проживающих на острове, – секретная информация.

Итак, что мы имеем с гуся? Мы имеем ситуацию, когда охрана и оборона вверенного Патрульным силам объекта полностью рассчитана на отражение нападения извне. И если начать атаку на нее изнутри, это может привести к почти полному ее коллапсу. Основные уязвимые точки в ней – это пост РЛС на вершине, связанный с несколькими пусковыми установками зенитных ракет, которые без него становятся бесполезным железом. Еще он контролирует окружающую остров водную поверхность до возможного горизонта, поддерживая связь с патрульными катерами. Еще одна РЛС – на аэродроме, следящая за взлетающими и садящимися самолетами и предназначенная исключительно для управления полетами: разве что запрос «свой-чужой» можно осуществить через нее. Оперативная переброска подкреплений между

расположением Патрульных сил и аэродромом невозможна, и в любом случае подкрепления следуют через узость на вершине и далее по дороге на местности, вполне отвечающей понятию «горно-лесистая», то есть – идеальная для устройства засад.

Окружающая остров Нью-Хэвен пятидесятимильная зона патрулируется не менее чем двумя патрульными кораблями в любой момент времени, и еще два находятся на боевом дежурстве в бухте, но наводятся они по указанию со все того же радиолокационного поста на вершине. Именно эти радары обнаруживают цели на поверхности моря и наводят на них сторожевики. Соответственно при отсутствии наведения или ложном наведении сторожевики могут стать почти бесполезными. Их собственные радары действуют в пределах гораздо меньшего радиуса, сам остров создает «мертвые зоны», а зенитные радары, управляющие наведением «стингеров» в спаренных пусковых, вообще слабосильны.

Еще одним серьезным элементом обороны острова являются размещенные на аэродроме вертолеты «апач». Это немалая сила – шесть современных ударных вертолетов. И два из них находятся в постоянной боевой готовности, в ожидании команды к взлету. Все тот же радиолокационный пост на вершине должен навести их на цель, и тогда они ударят по ней, плывущей или летящей, «хэллфайрами» или «стингерами» или разнесут из бортовых пушек. Мало что из имеющегося в Новой Земле может устоять против на-

стоящего боевого вертолета. Правда, при условии, что им управляют с командного пункта, а летчик находится в пилотском кресле, а не лежит, скажем, с разбитой мордой где-нибудь в подвале. В последнем случае вертолет уже не так опасен, если только в темноте в него лбом не врежешься. По пьяни, например.

Как говорил Архимед? «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Погорячился старик, конечно: кто бы ему такую точку дал, но в принципе мысль правильная – найди эту самую ключевую точку, и мир, или не мир, но что-нибудь, ты точно можешь перевернуть к чертовой матери. Хотя бы чье-то ценное и хрупкое имущество. Так и с этим островом: дай нам найти уязвимые места – и мы тут такое устроим...

От размышлений над картой меня отвлек звонок в дверь. Светлана. Как раз чуть больше часа прошло с момента телефонного звонка. Я встал с дивана, прошел через огромную гостиную и холл к двери, распахнул ее.

Свежее лицо с минимумом косметики, белая рубашка мужского покроя в тонкую голубую полоску, накинутая поверх белой хлопковой майки, голубые джинсы в обтяжку, прекрасные «шоферские» мокасины из мягкой бежевой кожи, в тон брючному ремню и замшевой сумке. Рукава сорочки закатаны до локтя, открывая красивые руки с белой, почти незагорающей кожей. Волосы прямые, но уже не «каре», а настрижены прядями разной длины, образующими эдакий аккуратный беспорядок в стиле героинь аниме. В руках –

большой пакет, в котором видна целая стопка коробок из яркого картона.

И вообще здорово она выглядит. Всегда была красива, а сейчас – так вообще. По моему наблюдению, Светлана хорошеет по мере подъема по служебной лестнице. Сделай ее Президентом – и оба мира просто ахнут. Поначалу. А потом – взвоют.

– Привет, любимый, – с ехидством в голосе поприветствовала она меня.

– Привет, – улыбнулся я. – Проходи.

Следуя моему широкому пригласительному жесту, она вошла в дом, огляделась.

– Миленько, миленько, – констатировала очевидный факт. – И почему благодать?

– Пятьсот в сутки, со скидкой.

– Растет благосостояние? – притворно удивилась она.

– Понемножку: работаем все же, – чуть поклонился я. –

И Родман деньжат подкинул. От щедрот, так сказать...

Она засмеялась:

– Да, его тогда чуть удар не хватил, когда вы ракеты увезли и деньги потребовали. Никогда не думала, что он может ста- кан виски одним махом выпить, так разволновался. Встал, достал бутылку из бара, налил и засосал, потом чуть не сбле- вал, правда. Думала, что на меня с кулаками кинется.

– Не кинулся?

– Попробовал бы, зайка, – усмехнулась она. – А вообще

я ему сказала, что надо своих сотрудников в курсе дела держать. И если бы он сразу сообщил мне, что задумал, то я, мол, предупредила бы его, что ты именно так и поступишь.

– И как?

– Он сожрал, – ехидно ухмыльнулась она. – Хоть и давился.

Она поставила пакет с коробками на разделочный стол в кухне и начала открывать коробки одну за другой, выкладывая из них пахнущую морем еду на квадратные тарелки, которые нашлись в буфете.

– Как ты сюда попал? – спросила она, оглянувшись через плечо. – Я имею в виду – на остров?

– Позже расскажу. Долгая история, – увильнул я от преждевременного ответа. – Точнее, попал, как и планировали, но не с твоей помощью. Давай сначала поедим, я голодный.

– Ну конечно, мужик голодный, теперь пока не поест – от него толку никакого, – фыркнула она.

– Закон природы, – заявил я, воздевая указательный палец. – Сытый мужик – добрый мужик. И вообще – чего ты хочешь, если я в последний раз вчера вечером ел?

– А, ну да... Ты же на завтрак, кроме трех чашек кофе, ничего не принимаешь, насколько я помню.

– Верно, помнишь.

– Хорошо, не ной, накормлю я тебя сейчас, – заявила она. – Запивать чем будем? Пиво в этом доме есть?

– Справа от тебя, в низком холодильнике.

Щелкнул магнит дверцы, зазвенели бутылки.

– Дорогой, тебя снабдили пивом как минимум... на неделю, – заявила Светлана, вытаскивая пару бутылок.

– На неделю не хватит, – запротестовал я. – Дня на три максимум.

– Алкаш.

– Неправда ваша, – продолжил возмущаться я. – Просто у нас понятие «норма» сильно отличается...

– Ладно, можешь садиться, – сказала она, прервав мою речь.

Мы уселись за длинным массивным столом из темного дерева, с углами, обитыми кожей. Уселись друг напротив друга, но не по-королевски, на дальних концах стола, а просто у противоположных сторон. Светлана разлила темный, остро пахший в чистом воздухе соевый соус по розеткам. Я подцепил палочками комочек васаби с тарелки, начал разбалтывать в соусе.

– Рассказывай, как тебе служится теперь? – спросил я ее.

– Мне служится, как ты выразился, хорошо, – ответила Светлана, тоже разбалтывая зеленую пасту в темном соусе. – Очень хорошо. Родман свалил всю настоящую работу на меня, а сам появляется два-три раза в неделю на пару часов, чтобы просто узнать, чем занимается его отдел. Простительная слабость для начальника – полезно для общего развития, ну и мы не чувствуем себя окончательно брошенными.

– Катя здесь?

– Здесь. – Она лукаво посмотрела на меня. – Хочешь Катю?

– Издеваешься?

– Немного, – ухмыльнулась она. – А почему бы и нет, кстати?

– Просто нет.

– Самый исчерпывающий ответ. Ладно, на нет и суда нет, – легко согласилась Светлана. – В общем, фактически я возглавила разведывательную службу Ордена. Пока маленькую и слабую, но возглавила.

– Звучит неплохо, – сказал я, добавив уважения в голос, причем вполне искренне. – Кстати, ты выглядишь потрясающе – сразу видно, что процветаешь. И я вот на обувь обратил внимание: очень уж знакомо выглядит.

– Да, когда мне нужен шопинг, я прохожу через ворота номер одиннадцать, попадаю в Лондон и иду на Бонд-стрит. Моя должность позволяет избегать любых вопросов.

– Эта обувь с Джермин-стрит, – уточнил я.

– Рубашка тоже, – кивнула она. – А еще я купила машину в Америке, за ту, старосветскую цену, и въехала на ней через «ворота» сюда. Как видишь, определенный прогресс наблюдается.

Я встал из-за стола, подошел к окну, выглянул во двор. Там, рядом с прокатным «рэнглером», стоял новенький короткобазный «Мерседес Геландеваген» с открытым верхом.

Серебристый, явно в гражданской и очень дорогой комплектации, но с орденскими «смотрящими пирамидами» на бортах. Это уже, наверное, от любых вопросов защита.

Я вернулся за стол, подцепил палочками еще ломтик сашими из морского зверя вроде осьминога, поболтал его в соусе, закинул в рот.

– Неплохая покупка, – похвалил я ее. – Ты всем довольна, как я посмотрю?

– Почти, но не всем. – Она показала рукой вокруг себя: – Это все неплохо, но все же всей полноты власти у меня нет. Родман сохраняет за собой все права, окончательную подпись и все такое. Фактически я здесь до сих пор нахожусь его милостью. Пока я делаю покупки в Лондоне и покупаю машины в Америке, он может это изменить в любую секунду одним движением руки. И, как мне кажется, он вовсе не настроен что-то менять. Ему так удобней.

– Разумеется, ему так удобней: так ты остаешься управляемой. Я приехал это окончательно исправить, – добавил я в голос театральной патетики. – Ты сможешь подобрать выпавшее из его ослабевших рук знамя?

– Смогу, – сказала она, посмотрев мне в глаза. Она всегда так делает, если разговор начинает идти всерьез. – Мсье Гольдман, видный парижский адвокат, работающий на правительство, а заодно и один из членов Совета Ордена, очень неровно ко мне дышит. Так неровно, что подчас становится назойливым. А пока Родман является лишь исполняющим

обязанности главы Отдела специальных проектов, Гольдман курирует нас.

– Соответственно если Родман по какой-либо причине оказывается неспособным занимать это кресло, то Гольдман может назначить на эту должность тебя, а ты уже, без приставки «врио» к должности, избавляешься от куратора и управляешь всем. Так? – уточнил я.

– Именно так, – подтвердила она. – Причем не только может: он обязательно протолкнет именно меня на эту должность, если я ему намекну, что может быть взаимность. Только намекну. Взаимности не будет – кое-что изменилось в этом мире теперь. А когда я там окажусь уже не «врио», я просто смогу его вежливо послать: меня уже не сковырнешь. А вообще ты хорошо разбираешься в бюрократических играх. Где учился?

– Жизнь учила, – ответил я уклончиво, потому что и сам не знал ответа. – Гольдман... Гольдман... Где-то я уже сегодня эту фамилию слышал. Стоп! Это американская юридическая компания, которая...

– Это его брат, – поняла меня Светлана. – Двоюродный брат. Один кузен, младший, работает во Франции, а старший – в Америке. Оба члены Совета Ордена. Как они так разбежались по континентам – не спрашивай, не знаю.

Я встал из-за стола, подошел к тумбочке возле дивана, на которой лежал белый бумажный конверт с оптическим диском. Взял его в руку, обернулся к Светлане.

– Сейчас я дам тебе посмотреть кое-что, – сказал я. – Можно сказать, посмотрим телевизор за обедом.

– Что именно? Порно? – хихикнула она. – Если порно, то давай лесбийское, потому что...

– Увидишь, – прервал я ее. – Посиди пока тихо.

Я подошел к DVD-плееру, воткнул в него извлеченный из конверта диск без всякой маркировки, включил телевизор. Никакого меню на диске не было, поэтому я просто нажал на кнопку «Play», и на экране появился сидящий перед камерой Хоффман с подбитым глазом.

– Ой, а этот придурок как в «ящике» очутился? – удивилась Светлана. – И что у него с глазом? Упал?

– В гости зашел, но вел себя плохо, – ответил я. – Ты послушай, это интересно.

– Подожди, подожди, это твой голос там задает вопросы? – прищурилась она, всматриваясь в экран.

– Мой, – подтвердил я.

– Вы что, главного родмановского холуя украли? – удивилась она.

– Примерно так, – подтвердил я.

– Очень хорошо!

– Не любишь?

– Терпеть ненавижу! – сказала она со всей страстью. – Ни его, ни второго уroda, Маллигана. Выпьем за это! Надеюсь, вы его уже пристрелили.

– Пока нет, но всегда успеется, – пожал я плечами. –

Да слушай ты, елки-палки, разболталась тут. Слушай, это тебе полезно знать.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 12 число 10
месяца, вторник, 20.00**

Светлана действительно просидела все два часа перед экраном молча, не отвлекаясь ни на минуту. Давно уже мы доели, я дважды подставлял ей открытые бутылки пива, которые она машинально брала рукой со стола и пила из горлышка. Когда диск закончился, она потеряла лицо руками, глубоко вздохнула.

– Знала, что они все сволочи, это всегда чувствовалось, но что они такие твари... – зябко передернула она плечами. – Это невероятно. Как в дерьме испупалась.

– Как ты думаешь, на «Территории частных владений» не такие же живут, вроде Бернштейна? Я слышал от Родмана, что там ты сам себе устанавливаешь законы.

Она посмотрела на меня внимательней. Затем сказала:

– Возможно... Очень возможно. Но даже я не знаю, что там делается: мне туда ходу нет. Не могу утверждать наверняка. У Бернштейна, наверное, просто денег не хватает владение там купить.

– А сколько это стоит?

– Не знаю, но слышала, что от двадцати миллионов за гектар или даже больше, – ответила она. – Очень, очень дорого. Плюс еще и ежегодные платежи. Ни Бернстайну, ни Родману пока не по карману, как мне кажется.

– Понятно, – кивнул я. – Вопрос первый: Родман занимается этим для себя или для Ордена? Я имею в виду – наркотиками.

– Думаю, что для себя, но Орден наверняка участвует в прибылях, – решительно заявила она. – Они как мафия здесь. Каждый ведет свой бизнес и лишь «отстегивает в общак». Никто ни в чьи дела не лезет, никто никого не контролирует. Но я понятия не имела, что Родман настолько полон дерьма. Это уже и у меня в голове не укладывается.

Вид у нее и вправду был совсем ошеломленный. Родман заметно перебрал с допустимым даже для беспринципного карьериста. Таких уже не понимают и, что важно, – стараются избавиться, причем совершенно инстинктивно.

– Похоже, что Орден уже давно стал главным поставщиком наркотиков в Старый Свет, – продолжал я ее подталкивать в нужном направлении. – Идеальный бизнес. Ни перелетов через границы, ни курьеров, ни колумбийских или афганских плантаций – ничего. Отравы появляется как из воздуха посреди страны, перевозит ее в багажнике чиновник из Агентства, может, даже не один, она попадает сразу через одного или двух посредников прямо на улицы. Невероятные прибыли, а Родман еще не переехал на «Территорию част-

ных владений». Как так?

– Значит... Значит, он с кем-то очень сильно делится. С кем бы это, интересно? – явно задумалась и она.

– Как ты относишься к наркотикам?

– У меня лучшая подруга умерла в семнадцать лет, – ответила она. – Достаточно?

– Возможно, – кивнул я. – А к пыткам и убийству двух девушек каждые тридцать дней?

Она посмотрела мне прямо в глаза, взгляд был злой:

– Ты за кого меня принимаешь, если язык у тебя поворачивается спрашивать такое? Я давала когда-нибудь повод думать обо мне так, что кажется необходимым задавать подобный вопрос?

Нет, я ее ни за кого такого зловещего не принимал. Но спросить был обязан, что и сделал, а теперь я должен объяснить, зачем я это сделал:

– Я тебя принимаю за нормальную, рассудочную, абсолютно беспринципную стерву и карьеристку, которая при этом не испытывает ни малейшего сочувствия к убийцам-извращенцам и наркоторговцам. Я угадал?

Она перевела дух, затем ответила:

– В общем, угадал. – Замерла на секунду, посмотрела на меня с прищуром: – Подожди, подожди... Смигу ты это успел показать?

– Успел, – кивнул я.

– Теперь понятно, как ты здесь очутился, – кивнула она

удовлетворенно, словно утвердившись в какой-то мысли. – Новые сотрудники Яковенко и Гомез – это ты и твоя девушка? Которых он и подобрал якобы на Большой Земле.

– Да, – подтвердил я ее догадку.

– Понятно. Трудно сказать, что я удивлена, хотя надо было бы меня предупредить. Я внесу тебя в допуск на проход через «ворота», а твою девочку сразу не смогу. Она по штатному расписанию каждый раз специальное разрешение у меня получать должна. Когда она прилетает?

– Через два дня.

– Хорошо. Значит, Смит переметнулся на твою сторону? – задала она прямой вопрос.

Интересно, что «хорошо»? Хотя ежу понятно что. Или не понятно?

– Смит остался на своей стороне, – отрицательно помотал я головой. – Он просто нормальный человек, профессионал. Он не обслуживает маньяков и всю жизнь гонялся за наркоторговцами. Он решил разобраться с этими сволочами доступными ему способами – с моей помощью, в частности. Это его решение.

– Что требуется от меня?

– Ты готова помогать?

– Да, я помогу, – кивнула она. – Если пообещаешь, что они подохнут. Все они, включая Хоффмана, где бы он ни находился там у вас.

– Насчет Хоффмана мне сложно сказать: он уже не у меня.

– Мне плевать, у кого он, – отрезала она. – Ты обещаешь мне его смерть – я помогаю тебе. Я тебя нанимаю, если угодно. – И прежде чем я успел вставить слово, добавила, хлопнув ладонью по столу: – Все, таковы условия! Наш следующий контакт будет только в обмен на доказательства их смерти.

– Хорошо, – кивнул я после недолгой паузы. – Я обещаю.

Вообще-то они еще и единственные, кто сможет уличить Светлану в двойной игре. Так что в ее благородном гневе может быть и практическая подоплека. Даже наверняка есть, или это будет уже не Светлана.

– Что мне сделать? – спросила она, встав с дивана и подойдя к окну с видом на море.

– Самое главное – займи его место. Не облажайся, – сформулировал я сверхидею.

– Не облажаюсь, – обернулась она ко мне. – Еще что?

– Еще тебе нужно будет помочь прикрыть историю, – начал я осторожно. – Через несколько дней Родман схватит полмиллиона экю, усядется в служебный самолет вместе с Маллиганом – и исчезнет навсегда. Надо подать историю таким образом, что Родман с перепугу сбежал, прихватив деньги из бюджета Отдела и из домашнего сейфа. А испугался он того, что облажался на этой должности. И чего еще – придумай уже ты.

– Полмиллиона – мало, – чуть не по слогам произнесла она. – Надо больше украсть. У него лимит оперативных

расходов до двух миллионов: никто не поверит, что он взял меньше. Если человек бежит, то он забирает все, до чего может дотянуться руками.

– Что делать? – уточнил я.

– Что делать? – усмехнулась она. – У меня есть доступ к его личному коду и его канал связи с банком. Ему иногда лень приезжать, чтобы что-то сделать, – вот я и изображаю его за его компьютером. Я могу снять с оперативного счета Отдела еще полтора миллиона. Причем их привезут сюда, я их возьму, а потом как будто отвезу ему на дом. Но нужно это сделать вечером, как раз перед тем как он исчезнет навсегда.

– И что для этого нужно? – спросил я. – Это же не просто так?

Мысль мне откровенно понравилась. Два миллиона всегда больше и лучше, чем полмиллиона. Можно будет и к вопросу покупки самолета обратиться.

– Нет, разумеется, – подтвердила она, затем спросила: – Как он будет передавать полмиллиона?

– В золотых слитках Банка Ордена.

– Понятно, – кивнула Светлана. – Тогда эти полтора доставят наличными. Если тоже в золоте, то будет подозрительно.

– Это сто пятьдесят килограммов, к тому же не считая веса упаковки, – добавил я.

– Тоже верно, – согласилась она. – Полтора будет в «игральных картах». И знаешь, что ты с ними сделаешь?

– Догадываюсь, но ты мне скажи, – попросил я.

– Ты возьмешь две сумки и положишь в каждую из них по семьсот пятьдесят тысяч, – взялась за объяснения Светлана. – Ты возьмешь у меня бумажку, на которой будут записаны имена и номера трех Ай-Ди. Еще там будут записаны суммы. Ты повезешь эти сумки на материк, пойдешь с одной из них в Банк Содружества – и внесешь деньги из одной сумки на эти счета согласно списку. А вторую сумку ты оставишь себе, купишь на эти деньги все, что придет в голову твоей испаночке и тебе, и скажешь мне большое спасибо. По-другому мы не договоримся.

– А мы уже договорились, – усмехнулся я. – Можно сказать, ударили по рукам.

Еще бы не договориться. От таких предложений не отказываются. Куча денег плюс лояльность Светланы, которая тоже в этой луже извлекается до самых ушей.

– Тогда я получаю деньги, должность Родмана, благополучие, а эти твари в полном составе следуют в ад. – Она выдержала короткую драматическую паузу. – Но! Если они останутся живы – никогда больше меня ни о чем не проси. Ты меня понял?

– Понял, разумеется, – подтвердил я свое обещание. – Они умрут.

– Родмана ты похитишь, потому что на него повесят всех собак, – продолжила она. – А Бернштейн должен быть убит здесь, и мне все равно, как ты это сделаешь и как предста-

вишь. Здесь и сразу. Ты меня понял? И Родман потом тоже должен подохнуть, и Хоффман, и Маллиган, а ты представишь мне доказательства их смерти.

Да, позиция у нее более чем конкретная, но если быть честным – я ее понимаю. Мне тоже бы не хотелось оставлять в живых никого из этой милой компании. Хотя с Бернштейном был план другой. Но всегда следует идти на уместные компромиссы. Компромисс со Светланой – самый уместный из всех других компромиссов на данный исторический период.

– И как мне передать тебе доказательства?

– А ты уже сотрудник Отдела, можешь сюда летать, когда вздумается, – пожала она плечами. – Прилетишь и передашь.

– Эта «оболочка» может сгореть в ближайшие дни, – напомнил я.

– Дашь мне другую, – пожала она плечами. – У тебя их несколько. А я ее «надую изнутри».

– Ты не забыла, что у меня есть девушка? – напомнил я.

– Нет, не забыла, – усмехнулась она. – Просто прилетать ты будешь для другого. Я даже догадываюсь, что ты работаешь еще и на Разведуправление Русской Армии. Потому что по-другому быть не может: они просто обязаны тебя использовать. Меня это не удивляет, и в данный момент мне это ничуть не мешает.

– Правда? – с иронией осведомился я.

– Правда, – кивнула Светлана. – Просто ты будешь ра-

ботать еще и на меня. Мы же не только с русскими воюем. Мы боремся с бандами, с пиратами, с агрессивными людьми с южного берега Большого залива. Не рассчитывай получать от меня сведения о деятельности Ордена, и я не буду требовать сведений об РА от тебя, но зато я смогу давать вашей команде заказы и смогу платить за них. Много платить. Что еще нужно наемникам? И мне всегда нужен друг, который сможет в случае чего защитить даже такую беспринципную стерву, как я. А по поводу секса... мы об этом чуть позже поговорим.

Кто же сомневался, что поговорим? Сейчас или чуть погодя, но разговор к этому вернется, двух мнений быть не может. А вообще она предложила много. У меня останется доступ на остров и через Светлану – к информации и ресурсам Ордена. Пусть даже ей удастся скрывать от меня закрытую информацию, но я все равно смогу понимать, над чем они работают. У меня появляется такая вещь, как «допуск». Ее мотивы понятны, и секс здесь ни при чем. Мы будем теперь с ней одной веревочкой повязаны, зависимы друг от друга, и при этом между нами будет больше доверия, чем между кем бы то ни было. Чем мы сейчас занимаемся? Устраиваем заговор с целью похищения и убийства ее начальника, его гостя и его сотрудника, хищения казенных средств и ограбления частного дома. Зачем? С ее точки зрения, мы его таким образом «подсживаем». Но зато мне можно при Светлане не упоминать о деньгах в сейфе Родма-

на. Это теперь не дружба, а стратегическое партнерство.

– Мне нравится идея, – согласился я. – Нам нужны заказы. Мы можем поработать вместе. И мы прикроем тебя, если у тебя что-то пойдет не так. Это я тебе обещаю. Отбить и вывезти в безопасное место мы тебя сумеем.

Она глубоко вздохнула и заметно расслабилась:

– У тебя есть что-то кроме пива? Наверняка имеется хорошее вино.

Я встал с кресла и направился к бару, заявив:

– Есть, но ты же приставать сразу начнешь.

– Ха, размечтался!

Пивной бокал чуть не выскользнул у меня из руки – я едва удержал его. Но на бамбуковом паркете появилась пивная лужа. Я обернулся. Она глядела на меня с торжествующим видом победительницы. Я подумал, что ослышался.

– Еще раз, пожалуйста... – попросил я.

– Нет, я, конечно, помню про два обещанных минета и готова тебе их исполнить в любую секунду, по первому требованию... – Она подняла руки в жесте капитуляции. – Я даже готова дать себя трахнуть, если тебе очень уж подопрет, а рука будет в гипсе. Но вообще... как бы тебе сказать... если с патетикой в голосе, то мне открылся свет истины в форме лесбийской любви. Поэтому ты можешь чувствовать себя со мной в безопасности. Но только ты, потому что я по-прежнему угроза твоей семейной жизни. Теперь уже твоя Кончита не может чувствовать себя в безопасности.

Это она хохмить начала, я ее уже достаточно знаю, чтобы определить, когда она дурачится, но вот начало речи было правдой.

– Катя? – высказал я свое предположение.

– Разумеется. Единственный мужчина, с которым мне хотелось спать, прятался от меня. – Она выразительно посмотрела мне в глаза. – Да и вообще мы живем на разных концах континента, так что нормальных отношений у нас с тобой все равно не получится. Местные мне не нравятся, к тому же из них половина гомосексуалисты или другие перверты. Здесь это вообще поощряется, даже очень полезно для карьеры.

– Это почему? – удивился я.

– Потому что здесь считают, что именно гомосексуалисты придерживаются более широких и либеральных взглядов на жизнь, к тому же у местного руководства инстинкт из Старого Света везде поощрять геев – из страха прослыть реакционным и фашиствующим гомофобом.

– Почему? А, ну да.

Действительно – в правлении Ордена в основном американцы, и в основном те самые либералы. Это уже все объясняет. Именно они убрали из некоторых американских школ уроки обычной истории, зато ввели курс «Истории гомосексуализма», в котором детям объясняют, чем этот мир обязан... им самым, в общем. Чему я тогда удивился?

– В общем, моя интимная жизнь стремительно катилась

под гору, вплоть до психоза, – продолжила Светлана, но сбилась. – Эй, ты вина налей даме, раз обещал, а потом расскажу! Стоит, рот раскрыл.

Ну да, ну да. Вино же нужно было. А тут целый винный шкаф со стеллажами бутылок, прекрасный выбор.

– Белое? Красное? – спросил я, читая этикетки.

– Красное! И сухое!

– Само собой, сухое, – пробормотал я.

Мы пообедали, вино просто пить будем, вместо десерта, так что можно взять что-то постарше. А что здесь есть? О! Прекрасно! «Шато Потенсак» восемьдесят девятого года. Прекрасный год и прекрасное вино. В это шато ушел в свое время главный винодел с виноделен Ротшильдов, производивший то самое легендарное «Шато Мутон Ротшильд». И вино из Шато Потенсак буквально стартовало вверх по градациям качества, в течение считанных лет попав в классификацию «крю».

Я достал большие тонкие хрустальные бокалы, настоящий «Ридель», если не ошибаюсь, выставил на поднос. Нашел штопор, срезал резакон фольгу над пробкой, ощупал пробку. Не выпуклая, под срез горлышка, значит, вино хранилось правильно. Нашелся и графин-декантер. Я ополоснул его холодной минеральной водой, чтобы смыть запах затхлости, открыл бутылку штопором и аккуратно, с высоты, тонкой струйкой перелил вино в декантер. Пусть наберется воздуха, из аромата исчезнет намек на спирт, и можно будет пить.

Поставил графин на поднос рядом с бокалами, принес к столику.

– Рассказывай дальше.

– А вино? – показала она на бутылку.

– Дай ему подышать пять минут, будет лучше.

– Не хочу дышать, хочу вина, – заявила она. – Наливай, эстет, блин. Дышать оно у него будет...

– Хо-ро-шо. Рассказывай.

Дальше по ритуалу я должен был бы проверить вино, немножко плеснув себе и пригубив, и если не понравится – заменить бутылку и уж потом налить даме. Но я это вино знал хорошо, Светлану тоже знал не хуже, поэтому решил не выеживаться и эту часть ритуала пропустил. Взял декантер за широкое воронкообразное горлышко из толстого стекла, аккуратно наклонил его над бокалом. Если резко сделать, то осадок винного камня взболтается, да и из такого горлышка расплескать несложно. У подобных декантеров даже конструкция такова, что последние граммов пятьдесят можно только вылить, но не налить в бокал, чтобы от жадности осадок не выпили. А хорошего вина без осадка не бывает, между прочим. Еще одно распространенное заблуждение: что осадок – свидетельство низкого качества.

Светлана взяла один из бокалов со стола, пригубила:

– Отличное вино!

– Если бы ты дала ему «подышать» хоть пять минут, оно стало бы еще лучше, – сказал я с укором.

– Обойдется. Перед смертью не надышишься. – Она еще пригубила. – Ладно, на чем я остановилась?

– На психозе от интимной жизни.

– Ага, на психозе. – Она еще раз отпила из бокала. – И в этот момент прибывает на остров Катя – такая вся умница, такая вся послушная и такая вся... своя, что ли. Все вокруг чужие, а эта уже нет. В общем, напились мы с ней в первый день ее приезда у меня дома. У меня уже дуплекс появился, а она еще даже заселиться никуда не успела, поэтому ночевать я ее затащила к себе, прямо с багажом. И тут ее по пьянке прорвало, и она давай мне в любви объясняться – мол, всегда была влюблена, ни с кем не спала, и даже тебе дать готова была – лишь бы мне угодить, и так далее. Не помню как, очень были пьяные, но оказались мы в постели. Даже не помню, что делали, но уснули вместе. А утром проснулась я оттого, что кто-то активно меня возбуждает. Утром я уже все помнила, и мне понравилось. И осталась Катя у меня жить. И стали мы жить-поживать и развратничать изо всех сил. Мы теперь лесбийской семьей здесь числимся, на радость местному руководству. Такие мы с ней теперь тоже либерально-прогрессивные. Каково?

– О-фи-геть, – честно ответил я.

– Я знаю, – кивнула она. – Но мне теперь гораздо лучше, и все стало намного проще. Тебе ведь тоже, правда? А вот насчет твоей Марии Пилар я задумалась. Мне Катя показала ее фото, которую ты на левые Ай-Ди ей давал. А как фигура?

– Идеальная фигура, – ответил я и сразу перевел разговор на другое: – Слушай, а на что этот Гольцман рассчитывает в таком случае?

– А есть такой тип мужчин, которые не верят в лесбиянок, – усмехнулась Светлана. – Считают, что просто им настоящие мачо не попадались. Этот мачо ростом с табуретку, правда, и нос как баклажан, но считает себя неотразимым.

– Вот как, – кивнул я с преувеличенным трагизмом. – А я, можно сказать, рассчитывал...

– Вот не врать мне, не врать! – захохотала она. – Максимум, на что ты рассчитывал, так это на то, что у меня будут месячные или новый любовник, что заставит меня к тебе не приставать. И тебе повезло: у меня новая любовница, приставать не буду. Но за тобой теперь должок.

– Мне казалось, что должок за тобой...

– В смысле? – удивилась она.

– Сеанс орального секса, – сказал я, после чего уточнил, показав два пальца: – Два. Ты обещала.

– Успеется, – отмахнулась Светлана. – В общем, должок за тобой есть, поскольку я от тебя отстала наконец, и ты в безопасности. В общем, ведешь нас с Катей в ресторан. На обед. В смысле – ужин. Ну то, что не ланч.

– Ты в своем уме, дорогая? – опешил я. – А если на Родмана напорюсь? А если Катя разболтает, что я здесь?

– Родман улетел на Остров Ордена, будет завтра около пятнадцати часов, прилетит с ежедневным челноком, – от-

ветила Светлана. – А Катя никому ничего не разболтает. Она только на вид такой ребенок, а вообще – железобетонная стерва, ничуть не хуже меня. Она еще один твой союзник здесь, доколе длится наша с тобой дружба. И, как мне кажется, я тоже ее люблю, как и она меня, так что не смей Катю обижать.

– Хорошо, хорошо, – поднял я руки.

– И тебе будет полезно с нами посидеть, поболтать, – добавила она. – Узнаешь много полезного и нового про местную жизнь и прочее.

– Хорошо, хорошо.

– И не разговаривай со мной как с нетрезвым ребенком!

– Хорошо, хорошо.

Территория Ордена, остров Нью-Хэвен 22 год, 13 число 10 месяца, среда, 09.00

Поспать удалось не слишком долго. Светлана с Катей после ресторана потащили меня не куда-нибудь, а в лесбийский клуб «Розовая пантера». Тут даже такой был. Аргументировали приглашение тем, что вход мужчинам хоть и не запрещен, но очень маловероятно, если даже Родман вернется раньше, чем ожидалось, он попадет сюда. Куда угодно, но не в «Розовую пантеру». У меня же по этому поводу была другая теория – обе хотели мне продемонстрировать, как они счастливы друг с другом. Расставить точки над «i», черточки над «t» и закорючки над «й». Что меня удивило – так это то, что клуб был большой и набит битком. Население острова Нью-Хэвен многочисленностью не блещет, даже с учетом приезжих, значит, и вправду... скопились они здесь. Ну да бог с ним, счастливы девушки друг с другом – мне жизнь спокойней стала.

Будильник я себе поставил на половину девятого утра и к моменту приезда Смита успел умыться и уже варил кофе. Я услышал звук моторов двух или трех машин, под колеса-

ми захрустел гравий. Я не стал выходить, полагая, что не надо маячить перед тем, кто пригнал машину для меня, и оказался прав. Снова захрустел гравий, одна из машин выехала со двора, а кто-то позвонил в дверь. Я открыл, увидел Смита с ключами от машины в руке.

– Доброе утро, – поприветствовал я его. – Проходите. Кофе?

– С удовольствием. Вот ключи от «лэндровера». – Он махнул рукой себе за спину, где стоял крытый длиннобазный «сто десятый». – Я решил, что лучше вам все же в закрытом ездить по острову. Хоть чуть-чуть, но маскировка.

– Возможно.

Смит прошел в гостиную, сел на диван.

– Вы с сахаром и сливками? – спросил я его, снимая с крючка над кофеваркой чашку и ставя ее на блюще.

– Да, пожалуйста.

Я сварил две чашки кофе, поставил их на поднос, туда же поместил сахарницу и молочник, положил чайную ложку – одну: я пью без сахара, черный, и размешивать мне в чашке нечего. Принес поднос на широкий кофейный стол, сам уселся в низкое и широкое кресло напротив своего гостя.

– Как прошел вчерашний вечер? – нейтральным тоном поинтересовался Смит.

– Провел в компании вашего начальника и ее подружки.

– Беляева и Ковалева?

– Да, они самые.

Смит молчал, но было видно, что главный вопрос у него буквально вертится на языке. Я решил на него ответить, даже не дожидаясь, пока он его задаст.

– Мы с ней договорились, – сказал я ему. – Она поможет сделать так, чтобы все думали, что Родман предал. И она потом займет его место. Ваш рапорт об отставке она подпишет, вы сможете уволиться с лучшими рекомендациями. Если подвести итог вчерашней беседе – она наш союзник.

Он опять помолчал, словно усваивая информацию, затем спросил:

– Она смотрела протокол допроса Хоффмана?

– От начала и до конца, – подтвердил я.

– Тогда я верю, – кивнул он. – Нормальному человеку хочется сделать так, чтобы эти ублюдки умерли. Это на любого подействовало бы.

– Именно так. Кстати, сколько сейчас сотрудников в вашем Отделе специальных операций? – перешел я к делу.

– Около шестидесяти, – ответил Смит. – Но все пока только клерки или охранники, оперативников почти нет. Мы с Брауном были единственными и рассчитывали, что вы присоединитесь со своей группой на контрактной основе. Но видите, как пошло. Хотя, может быть, это и к лучшему.

– А как у вас с внутренним контролем? – уточнил я. – Слежка за сотрудниками и прочее?

– Никак, – покачал он головой. – Пока не ввели. Нашему Отделу месяц от роду, господин... Яковенко. Все при-

дет со временем. И не забывайте, что нашу лавочку организовал малоопытный молодой адвокат с большими амбициями и влиятельным папой. Даже не дилетант, а еще хуже. Его и в офисе почти не бывает, все больше светские обязанности гнетут нашего босса. Впрочем, сейчас он думает, как прикрыть задницу и кого скормить вместо себя, потому что дело идет к тому, чтобы бросить его львам. А вы опасаетесь, что за мной могут следить?

– Не то чтобы сильно, но все же... – осторожно сказал я.

– Следить пока некому, – покачал он головой. – Хотя идея про создание отдела внутренней безопасности уже озвучена, просто до этого руки не дошли, и людей пока не набрали. Вопрос времени.

– Скажите, а нарваться здесь на досмотр машины хоть какая-то вероятность есть? – спросил я.

– Ни малейшей, – даже вроде как возмутился Смит. – А уж орденской машины, да еще с вашим нынешним статусом... Это даже не исключено: это напоминает бред. И с виду, если у вас кобура или даже винтовка, вы можете оказаться чьим-то телохранителем, охранником, просто военным в штатском. Никто не обратит внимания.

– Прекрасно.

– Хотите тяжело вооружиться?

– Возможно, – пожал я плечами. – Всегда лучше знать заранее.

– Вооружайтесь, – усмехнулся он. – Даже если ваша ма-

шина развалится на части на глазах патруля и оттуда выпадет ядерная боеголовка, вам достаточно будет лишь показать Ай-Ди и сказать, что боеголовка вам нужна по службе. Этого будет достаточно. Кстати, на днях Ай-Ди заменят наконец на удостоверения и жетоны. Каждый раз проверять номер карточки оказалось затруднительным.

– А зачем так сделали? – спросил я.

Меня эта система, где на все случаи жизни один документ, а статус его каждый раз проверяется по компьютеру, несколько удивляла.

– Сначала думали, что так будет проще. Боролись с бюрократией, – усмехнулся Смит. – В этих краях опробуется, наверное, каждая вторая марзматическая теория. Что-нибудь еще?

– Нет, все. Не упустите Бернстайна. Родман сегодня днем возвращается с Острова?

Смит мельком глянул на меня:

– Да, сегодня. Мне надо бы начать готовить его к поездке на материк.

– Я думаю, что в субботу будет в самый раз, – сказал я. – И сразу вломимся в его дом.

– Да, так лучше всего. Выходные здесь чтят.

Знал бы он, что у нас на воскресенье приготовлено. Это тебе не похищение Родмана с транспортным средством. Но Смит у об этом знать пока рано. И узнает он не от меня.

– Хорошо, тогда оставлю вас, – сказал он, поднимаясь

с дивана. – Как только появится Бернштейн – я сообщу. Маллигана, кажется, ожидают в пятницу утром. Возможно, и Бернштейн ожидается к пятнице. А завтра вы можете встречать своих. Помните, как делать? Подходите к старшему смены, представляетесь и просто говорите, что к вам прилетели без досмотра и регистрации. Этого достаточно.

– Я понял, спасибо, – кивнул я.

– Еще раз до свидания.

– Счастливого.

Смит ушел, я остался один. Допил кофе, встал. Все, пора за работу. Оделся по принципу «и в пир, и в мир, и в добрые люди». Обычные синие джинсы, трикотажная темно-зеленая майка. Немного жарко для такого цвета, но зато если придется где-то по кустам ползать, будет не слишком заметно. На ноги натянул зеленые с камуфляжными пятнами кеды. И легкая обувь, и даже модная, и бегать-прыгать удобно. На ремень подвесил кобуру с «гюрзой», в гнездо на кобуре и в отдельный продолговатый узкий подсумок разложил три запасных магазина. Семьдесят два бронебойных патрона – это уже неплохо. С противоположной стороны подвесил к ремню небольшую сумку, в которых носят обычно документы и ключи от машины, но в нее уложил ПСС и один запасной магазин к нему. Мало ли когда бесшумное оружие может пригодиться...

Достал из сумки «девятку», привинтил на автомат длинную трубу глушителя, установил прямой массивный мага-

зин. Взял с собой наплечную подвесную с двумя подсумками на два магазина каждый. Вот и сотня выстрелов из серьезного бесшумного оружия у нас с собой есть, случись чего. Вообще-то ничего случиться не могло, но, как говорится, на Аллаха надейся, а верблюда привязывай. Я вообще-то в тылу врага, если называть вещи своими именами. Мало ли как все повернется?

Прихватил карту в пластиковом пакете и вышел из дому. Сегодня у меня три простые задачи. Первая – разведать местность, прилегающую к дому Родмана. Найти место для организации наблюдения. Второй задачей было определить позиции для нанесения удара из гранатометов по радарному посту, а также снайперскую позицию с хорошими секторами огня. На карте я приблизительно обнаружил подходящие места – теперь осталось их разведать. И третья задача – наметить позиции для организации засады с минированием дороги на маршруте выдвижения подкреплений противника, на участке КПП – аэродром.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 13 число 10
месяца, среда, 12.00**

Найти дом Родмана не составило труда. Группка из десяти вилл очень удачно расположилась вдоль пляжа, на самой границе гольф-клуба «Нью-Огаста». Каждая вилла занимала участок около гектара, у каждой был свой персональный пляж, все они были расположены на спускающемся к морю пологом склоне так, что территория одной не должна была просматриваться с другой. Явно хороший архитектор поработал над планировкой. С обратной стороны этих участков шла асфальтированная подъездная дорога, а еще выше – пешеходная дорожка среди густых зарослей, куда я и забрался с биноклем. Идеальный пункт наблюдения. И скрытно, и двор просматривается хорошо. И даже если кто-то пройдет по тропе, тебя разглядеть будет очень сложно.

Насколько мне было известно, никакой дополнительной охраны у Родмана не было, даже прислуга к нему приезжала по вызову. В поездках его всегда охраняли Хоффман и Маллиган, в случае необходимости они же и составляли охрану дома. Обычно это бывало при визитах Бернстайна. По-

чему-то тот настаивал на том, чтобы дом охраняли. Может быть, боялся, что кто-то ворвется во время его «невинных шалостей»? Возможно. Сам Родман на острове жил не опасно, охраной не пользовался.

Интересно, как получится теперь? Хоффмана больше нет, Маллиган остался один. Если Родман в субботу полетит передавать нам пятьсот тысяч золотом, Маллиган будет охранять босса или останется с Бернштейном? На самом деле без разницы: он в любом случае покойник. Остальные тоже, но Маллигана даже увозить никто никуда не будет.

Действительно – ни в доме Родмана, ни вокруг него не наблюдалось никакого движения. Голубое зеркало бассейна, темные окна без жалюзи, видны белые диваны в гостиной. Никого. Собак тоже не было ни у самого Родмана, ни у соседей. Значит, никто не загавкает. Больше здесь пока и смотреть нечего. А вот когда обитатель белого дома с террасой на берегу моря вернется, надо будет еще понаблюдать – может быть, что-то интересное увидим.

Я выбрался из кустов и направился к машине, припаркованной на служебной стоянке возле клуб-хауса «Нью-Огасты». Навстречу мне попался кто-то из служащих клуба, но ни малейшей подозрительности не выказал, а наоборот, пропустил меня на узкой тропе, мельком взглянув на пистолет в кобуре. У клуб-хауса стояли еще двое служащих, но и они никакого внимания не обратили ни на меня, ни на отъехавшую машину с орденской символикой на две-

рях. Безопасное место этот остров, никто и ни на что внимания не обращает. Шастает зачем-то по кустам в клубе мужик с пистолетом, значит, так и надо. Может быть, у него работа такая – по тропкам в гольф-клубах шататься без ясной цели.

От «Нью-Огасты» я направился на вершину. Путь километров под тридцать пять – сорок. Весь остров в поперечнике пятьдесят, но рельеф горный, путь «серпантинит», виляет по долинам, вот и удлиняется в несколько раз. Дорога красивая, живописная, почти с любой точки видна голубая поверхность моря, идущая за горизонт. И движение изрядное. Множество машин, в основном – дорогие внедорожники или даже самые обычные кабриолеты, от которых я совсем отвык в Новой Земле. Мой «лэндровер» с пирамидами на дверях смотрелся среди них как солдат в полной экипировке на вечеринке в загородном клубе. Но при этом, судя по всему, внушал некое почтение – вроде полицейской машины в городском потоке. Дорога виляла среди гольф-клубов, вилл, апартаментных блоков, торговых центров с супермаркетами, ресторанами и барами, просто ресторанов. Попадались вывески ночных клубов, пока еще закрытых ввиду раннего времени. Это не дорога до аэропорта: та не такая оживленная. Эта дорога ведет к берегу, к теннисным клубам и полям для гольфа, вот и едут по ней во всех направлениях. А дорога от вершины к аэродрому пустовата – она по самому центру острова проложена.

На вершине, у стены и трех КПП, была большая откры-

тая площадка, выполнявшая заодно роль парковки, аккуратно размеченной и огражденной белым заборчиком. Я остановил машину, вышел, огляделся. Ко входу на территорию «ворот» подъехало такси – тот самый белый «Террано 2», на котором мне когда-то довелось проехаться. Из такси вышли двое – мужчина и женщина, обоим под пятьдесят. Чернокожий таксист подкатил к ним багажную тележку, перегрузил на нее все сумки. Прокатал в каком-то аппарате карточку мужчины, отдал ему. Машина отъехала и встала в очередь на стоянке в ожидании пассажиров, а двое направились в ворота терминала. Охранник у входа в повседневной форме и с полицейской оснасткой просто поздоровался с ними, но никаких других эмоций не проявил. Я решил тоже прогуляться туда, раз имею право.

Захлопнул дверь машины и пошел ко входу. Охранник так же вежливо поздоровался со мной, и я в долгу не остался. Ни кобура, ни подсумки с запасными магазинами его не удивили. Видать, разглядел, что я на орденской машине приехал, а может быть, ему все равно – для мебели поставлен. Другие два КПП, которые на служебную территорию ведут и на «Территорию частных владений», посерьезней будут. Там даже огневые точки имеются с пулеметами, хоть и видно, что служба для проформы несется. Кому тут нападать? Разве что приезжего заблудившегося в нужном направлении вежливо перенаправить.

А для приезжающих и уезжающих через «ворота» насто-

ящий контроль совсем в другом месте. Стойки регистрации, как в обычных аэропортах. Пожилая пара с багажной тележкой подошла к двум вежливым блондинкам в форме иммиграционной службы Ордена – такой, какую раньше Светлана с Катей носили, протянули им карточки. Те просто забрали их себе, прокатали в каком-то аппарате и сбросили в щель в стойке. Вот как все просто. Пришли сюда – получили временные Ай-Ди, вышли – отдали. А там дальше что? А дальше, судя по всему, сами «ворота». Перед ними маленький зал ожидания, в нем бар и обменный пункт. Тоже полезно. Так и есть: женщина пошла в бар, а мужчина направился к обменнику. Сейчас обменяет экю на свои доллары или евро – и домой, в цивилизацию. Кредитки здесь все же не работают, оперируем наличными. Кстати, здесь и курс вообще не такой ублюдочный, как во всех остальных территориях, а все по официальному пересчету золота... Хоть зарабатывай на обменах при поездках сюда...

Ко мне сзади подошли, я обернулся. Молодая женщина, полоска капрала на петлицах и рукаве, «беретта» в кобуре. Понятно, заинтересовались моим бездельным видом. Минимальная бдительность здесь все же имеется.

– Простите, сэр, я могу вам помочь? – вежливо, хорошо поставленным голосом осведомила она.

Глаза смотрят спокойно, но внимательно.

– Я из Отдела специальных проектов, – ответил я.

Она сняла с пояса портативный сканер, включила его.

Я разглядел на широкой рукоятке прибора несколько светодиодов с надписями возле них: «Допуск А», «Допуск В», «Допуск С» и так далее до «F» и красной лампочки с надписью «Alarm».

– Могу я просканировать ваш Ай-Ди, сэр? – столь же вежливо и даже улыбаясь спросила она.

Я молча достал из кармана нервующийся и непромокаемый бумажник, извлек из него Ай-Ди, протянул женщине. Подумал, что если загорится «Alarm», то стрелять в нее не буду – молодая все же, симпатичная. Просто отберу оружие, а вот во дворе лучше мне на дороге не попадаться: ухлопаю каждого, кто попытается остановить. Хотя с виду, как полагаю, оставался спокойным.

Женщина провела сканером над штрих-кодом карты. Пи-ликнуло, засветился зеленый диод у надписи «Допуск В». Понятно, все работает. А с «Допуском А», наверное, можно и на «Территорию частных владений» топать, как к себе домой. Я увидел, как женщина даже немного подтянулась, как будто собираясь встать по стойке «смирно». Вернула мне карточку, сказала:

– Благодарю вас, сэр. Простите за беспокойство. Могу чем-то помочь?

Теперь она действительно собиралась помочь, а не просто вежливо интересовалась, какого черта я тут делаю.

– Нет, все в порядке, – отказался было я, но спохватился: – Экскурсию мне небольшую не устроите? Я с материка

перевелся всего пару дней назад, осматриваюсь.

– С удовольствием, сэр, – сделала она приглашающий жест. – Куда сначала?

– Десятые и одиннадцатые ворота хочу посмотреть, – честно сказал я.

– Пройдемте, это здесь, в соседнем зале. – Она пошла рядом со мной. – Вам хорошо, с допуском «В» можете в любое время в них проходить. Раз – и вы в Лондоне. А я только раз в год, если в отпуск. За второй проход такой счет выставят, что можно сразу о нем забыть.

– Откуда вы?

– Из Лондона! – воскликнула она. – Представляете, какво мне? Сидеть в одном шаге от Оксфорд-стрит – и не иметь возможности даже пройти туда. А вы сейчас хотите пройти? Канал с утра стабильный и до вечера таким останется, по прогнозам.

Я было собрался сказать: «Хочу, конечно!» – но потом подумал вот о чем: я попал в этот мир девятнадцатого числа пятого месяца, а сейчас уже тринадцатое десятого. Значит, прошло аж сто девяносто четыре дня. Так, хорошо. А из Москвы я отбыл в разгар лета... Прошло чуть более полугодика по тамошнему летосчислению – значит, что? Именно: на той стороне, в Лондоне, зима в разгаре. И как я туда пойду в майке, кедах и с пистолетом на поясе?

– Нет, спасибо, – усмехнулся я. – Кстати, а как быть с оружием, если туда идешь?

– Камера хранения перед «воротами» – можете сдать все, что хотите.

– Спасибо. Ладно, показывайте.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 13 число 10
месяца, среда, 15.00**

Добрая девушка из иммиграционной службы, которую звали Лиз, показала мне все. И пассажирский терминал, и грузовой, где в большие «ворота» уходили рельсы узкоколеек и где из колышущихся «зеркал» выскакивали какие-то тележки-вагонетки с ящиками на них. Ящики с пивом, кстати, «Budweiser». И катят один за другим – непохоже, что на вес золота каждый проход через «ворота». Уж что-что, но пиво в случае вселенской дороговизны по этому каналу бы не гнали. Правда, когда я сказал это вслух, она все же поправила меня – в обратную сторону это пиво оказалось бы золотым: проходимость канала была действительно неравной, Орден врал лишь отчасти.

Я даже задумался, насколько вырастает стоимость кокаина, идущего на ту сторону, и решил, что все же не существенно – именно такой товар и есть смысл гнать по каналу.

Показала она мне и центр управления, и где находится дежурная бригада техников. И самое главное, показала, где складированы в ящиках новые, еще не собранные «воро-

та». По своей инициативе показала, вроде как гордясь работой, без всяких намеков с моей стороны. Трое двусторонних грузовых, трое маленьких пешеходных и шесть маяков лежали на складе в упакованном виде, в ящиках, которые оставалось лишь подцепить погрузчиком и тащить к месту аварии. Зачем маяки, если это запчасти? Я спросил у нее, но она лишь пожала плечами. Ладно, неважно, главное, что есть. Скорее всего, они хранились здесь лишь потому, что на вопрос: «А где еще их хранить?» – путного ответа не последовало бы. И действительно: а где еще, если все «воротные» терминалы в этом месте?

– А поддоны что, одноразовые? – спросил я, показав на примитивную, сваренную из грубой арматуры платформу на стальных скрипучих колесах, с которой погрузчики увозили паллеты с ящиками.

– Конечно, – подтвердила Лиз. – Здесь их в переплавку отправляют.

– А почему? – не понял я.

– Если своим ходом сюда те же машины запускать, бывают проблемы, – ответила Лиз. – Иногда люди странно себя ведут, да и в работающих механизмах некоторые части назад могут двигаться, а это нарушает работу канала. Вот и сочли, что дешевле на платформах отправлять, на самом деле. А металл здесь нужен.

– На острове? – удивился я. – Что-то я здесь промышленности не заметил.

– Нет, разумеется. Скапливается, а потом транспорт вывозит на материк, – пояснила Лиз.

– Понятно... – протянул я.

Мог бы и сам сообразить. Меня самого из Москвы на такой платформе на роликах в «ворота» вталкивали, а подумать, зачем это все, до сих пор не удосужился.

– А канал насколько стабильный? – спросил я провожающую.

– Если оттуда сюда, то порядка двадцати процентов времени держится, – ответила она. – Считается очень хорошим результатом.

– А отсюда?

– Очень коротко работает, «вспышками», – объяснила Лиз. – Иногда люди сутки ждут, чтобы отсюда выбраться. И если что-то крупное, хотя бы с легковую машину, в него заталкивать, он закрывается.

– А отчего так? – заинтересовался я.

– Никто не знает, – покачала она головой. – Собственно говоря, никто не знает даже, что это вообще за «канал». Пользуемся, а сами понятия не имеем, что это такое. И правила установки каналов наши яйцеголовые исключительно методом проб и ошибок устанавливали. Оборудования пропало, говорят, горы.

Это она уже добавила доверительным шепотом.

– Это какие правила?

– Ну хотя бы то, что каналы параллельными быть не мо-

гут, – сказала словоохотливая Лиз. – Если здесь два выхода из них, то с той стороны, говорят, их ближе чем на сто миль нельзя располагать, иначе они друг друга взаимно нейтрализуют.

– Серьезно? – удивился я.

– Черт его знает, – засмеялась она. – Нас особо не прощещают, но коллеги так болтают. В любом случае в Старом Свете два входа из одного города не делают.

– А правда, что невозможно пробить канал в пределах одного мира? – уточнил я.

– Правда, – сказала девушка, уже совсем сбившись на откровенность. – У меня бойфренд был из тех, кто с «воротами» работает, так он сказал, что они даже не уверены, что канал ведет через пространство. Подозревают, что во времени.

– Seriously? – поразился я. – Вперед или назад?

– Он меня уверял, что мы находимся на Земле, просто через десяток-другой миллионов лет. И поэтому не получается каналов в пределах планеты – они просто уводят вообще непонятно куда.

Признаться, Лиз меня огорошила. Всерьез огорошила. Я искренне полагал, что Орден знает про эти каналы все – просто от нас скрывает и пользоваться не дает, а получается, что тут знают не больше нашего? Интересно.

Удивляясь новостям, попутно осматривал территорию с точки зрения практической, как будущий объект приложения сил. Территория у грузового терминала большая такая,

хорошая. Двор просторнейший – хоть стадион здесь устрои-
вай. Да и не один тут уместится, хорошо. Плюс еще простор
парковки за забором следует учитывать. А Хоффман не со-
врал, описывая место: все как на нарисованных им схемах.

Вскоре я попрощался с гостеприимной и словоохотливой
Лиз, вышел на площадь, сел в «сто десятый». Завел дизель
и задумался. Обе РЛС мне видны прямо отсюда, они сле-
ва от КПП и метров на сто выше. На самой высокой точ-
ке. Есть еще пара высот в окрестностях, которые возвыша-
ются над уровнем поверхности площади, но все равно ни-
же, чем вращающиеся решетчатые антенны. Это понятно:
а то у радара были бы слепые зоны. По карте получается,
да и на местности вроде бы тоже, что можно устроиться
на вершине смежного хребта буквально в двухстах мет-
рах от камуфляжно-пятнистых кунгов, но что там с другой
стороны? Не придется ли потом драпать по ближнему сюда
склону под обстрелом от КПП?

Я еще раз взглянул на карту. Дорога вроде бы огибала эту
возвышенность в нужном мне направлении – можно будет
осмотреть, неторопливо проезжая, а если найдется место по-
ставить машину, то можно и рекогносцировку устроить.

Место нашлось. У дороги была достаточно широкая обо-
чина в этом месте, встать удалось легко – прямо у обратного
склона хребта. По этому склону, совсем не крутому, соб-
ственно говоря, и пролегла дорога. Со стороны оживленной
площади меня не было видно, так что я спокойно остано-

вил машину, заглушил мотор и вышел. Мало ли куда я собрался? Может быть, мне в кустики припекло. Я спустился в неглубокий кювет, затем начал неторопливо подниматься по склону. По дороге проехала машина с четырьмя пассажирами, но в мою сторону никто головы не повернул. Приятно разведывать огневые позиции в местах, где люди привыкли к абсолютной безопасности.

Я подъемов уже с давних пор не любил. И не из-за того что мне горы надоели, а из-за ранения колена. Хоть оно и восстановилось у меня, но, если долго идти вверх, проблемы все же начинались. Сначала появлялась легкая боль, совсем не сильная. Затем начинал щелкать сустав, после чего вскорости приходила боль сильная, и я начинал хромать. И чем дальше, тем больше, и чем больше, тем дольше болело потом колено. Перетруди его всерьез – и еще несколько дней будешь колченогим. На равнине такого не наблюдалось, я мог идти сутками, почти не уставая, но горы... горы уже были не для меня.

Подняться пришлось метров на двести. Щелчки в суставе еще не начались, но небольшая боль уже проявилась. Я аккуратно присел за изогнутым стволом дерева, выросшего на самой вершине хребта, огляделся. Неплохая позиция. Очень даже неплохая. Обе антенны видны впереди, буквально в паре сотен метров, и чуть выше в нашу сторону выходят двери кунгов. Это хорошо: если начнется паника, то все будут выскакивать под огонь. Вокруг площадки ходит часовой, пе-

риодически скрываясь за изломом поверхности. Надо будет его снимать первым, а потом уже вести огонь по антеннам. Что еще отсюда видно? КПП. А на КПП стоят пулеметы, а возле КПП – три «хамви», два из которых с крупнокалиберными пулеметами, а один – с автоматическим гранатометом. Если сдвинуться по этому же хребту дальше метров на двести, то можно будет к КПП приблизиться на те же двести – двести пятьдесят. Что получается? Две группы, в одной двое со «шмелями» и снайпер с бесшумной винтовкой, в другой – два снайпера и один с тяжелым вооружением. Правильно и дружно начать – и можно нейтрализовать здесь всех за считанные секунды.

Все же решил пройтись вдоль хребта – проверить вторую огневую. Спустился на обратный склон и не спеша пошел к намеченному месту. И, оказывается, не зря. С этой точки прекрасно просматривалось несколько сот метров подъездной дороги к воротам со стороны служебной территории, и не меньше – с «Территории частных владений». Как раз с той стороны, откуда могут пойти подкрепления в сторону аэродрома. А вот это уже удобно. Там дорога откосами зажата, карабкается вверх. Если посадить гранатометчика с РПГ-29 «вампир», который с сошками и стреляет на пятьсот метров мощной высокоскоростной гранатой, то можно еще на подходе к «бутылочному горлу» такую свалку организовать, что потом бульдозерами не разгрестишь. Именно снайперская пара, можно даже с СВД, дальность как раз

для них, пулеметчик и мощный гранатомет. Все как и планировал, но чуть лучше. Эта тройка тут таких дел наворотить сможет – только держись. А после уничтожения радиолокационного поста можно еще одного гранатометчика отсюда перебросить, а второй и снайпер будут подходы к позиции с тыла контролировать. Прекрасно. Чуть-чуть можно продержаться. А если, скажем, еще и с ПТУР... А нет у нас ПТУР, надо выпрашивать.

Я не торопясь спустился к дороге, к стоящей машине. Из проехавшего мимо меня такого же «сто десятого» с орденскими гербами на дверях по мне мазнули незаинтересованным взглядом двое в штатском. Точно решили, что отлить в кусты бегал. Я опять сел в вездеход, завел его. Куда теперь? Место для засады. Например, все, что нужно, на вершине сделали – начинаем отступать к аэродрому. Если даже ворота у КПП заблокировали, то их уже освободили и рвутся на выручку подвергнутому атаке объекту. Нужен еще один рубеж обороны, расположенный там, где противник не ожидает, а значит, достаточно далеко и от КПП, и от аэродрома. Там устраивается минное заграждение и прячется засада. Наносится мощный удар по противнику, вызывается беспорядок в его порядках, простите за тавтологию, тот переходит к обороне. Засада быстро сворачивается и отступает на следующий рубеж обороны. Все логично, только вот место найти надо.

Я пропустил проехавший мимо золотистый «джип либер-

ти», после чего съехал с обочины и покатил по извилистой дороге. В основном справа был подъем, а слева – спуск, но в отдельных местах дорога оказывалась зажатой двумя склонами. Как раз такое место я и собирался проверить. Точнее, даже не одно, а два места. В первом меня привлекли густые кусты, примыкавшие прямо к дороге: прекрасное место для организации минной засады. Если все правильно рассчитать, дать колонне втянуться в дефиле... Можно много дел наворочать. Будем думать. Другое дело, что первоначально у нас не такой уж великий запас инженерки будет. Если только успеть воспользоваться тем, что Владимирский доставит...

Еще в этом месте меня привлекли весьма крутые склоны с обеих сторон дороги. Противнику придется держать оборону исключительно за машинами, на склоны даже не заберешься. Не обрыв, но очень крутые, и трава здесь скользкая. А если еще в кусты вокруг растяжек напихать, то точно не полезут, под обстрелом-то. Однако были и два минуса. Весьма ограниченным оказался сектор обстрела. Фактически полноценный огонь придется вести только с фронта, а «монки» приводить в действие радиовзрывателем, что тоже совсем не идеально. Установщик помех – устройство распространенное. Тянуть же провод очень далеко не получится. А если все же загонишь людей на хребты с флангов, то им потом очень долго отходить придется до точки эвакуации. Буквально альпинизмом заниматься. Тоже нехорошо: задер-

живаться там нельзя. Для нас тактика лишь одна подходит: удар – отскок.

Второе место порадовало удобными секторами обстрела, хорошими маршрутами отхода, местом для эвакуационного транспорта, но зато кустарник у самой дороги был редкий, в основном росли деревья, и склоны были пологими. Мины спрятать намного сложнее, но еще возможно. А вот противник сможет быстро рассредоточиться по окрестностям, и если у них будет толковый командир, могут и бой засаде навязать, и этим боем связать, не давая отойти. Единственный способ хоть немного обезопаситься – нашпиговать пространство возле обочин минами и растяжками, чтобы не рискнули солдаты противника преодолевать это все броском. Что выбрать? Пока не знаю. Буду думать. Джо завтра прилетит – с ним посоветуюсь.

Колено уже разболелось всерьез: напозался по горам. И осколок-то был тогда ничтожный, меньше ногтя мизинца, а как неудачно попал. Три года я хромал после того ранения. И сейчас оно мешает так, что дальше некуда. И на холоде всегда колени болят теперь, в Москве зимой даже специальное шерстяное кольцо на него надевал под штанину. Здесь хотя бы зимы не бывает, слава тебе господи.

Сел в «лэндровер», передохнул, вытянув вперед и массируя левую ногу. Вроде бы отпустило – и то хорошо. Снова поглазел на карту. На очереди у нас подступы к аэродрому, которые надо рассмотреть с двух точек зрения. Сначала най-

ти снайперские позиции для возможности обстрела самого аэродрома, точнее, мест стоянки самолетов, а потом задача меняется на противоположную. Надо будет найти позиции для обороны самого аэродрома, если противник прорвется через все засады, а дело еще сделано не будет. Оборонять аэродром я думал минами и подвижными группами, снайперскими парами, гранатометными и пулеметными расчетами, кочующими и меняющими позиции постоянно. Именно так можно втянуть заведомо сильнейшего противника в бой на дальней дистанции, не давать ему взять на прицел само летное поле. Этого допустить никак нельзя, никак. Если он возьмет поле на прицел – нам всем кранты, без вариантов.

Территория Ордена, остров Нью-Хэвен 22 год, 13 число 10 месяца, среда, 22.00

Я сидел в горячем джакузи, подставив левое колено прямо под струю гидромассажа и попивая ледяную «Корону» с ломтиком лайма, воткнутым в горлышко бутылки. Добьет меня этот горный туризм когда-то, неприспособлен я к нему более. Унесла все мои способности к скалолазанию маленькая, с коробку сапожного крема, пластиковая мина, даже не под моей ногой разорвавшаяся.

По крайней мере, позиции мне выбрать все же удалось – не зря мучился. Рельеф здесь засадам способствует, натуральная Чечня – если не вплотную к берегу, то лес и горы, горы и лес. Но тоже не все идеально, есть и сложность: последняя оборонительная позиция слишком далеко отодвигается от самого объекта обороны, и за счет этого создать приемлемую плотность огня там не очень получается – надо прикрывать уже несколько направлений, а наличных сил будет не так чтобы много. И если что-то пойдет не так, то и отход будет с проблемами, что уже совсем не радует: нельзя лишать бойца возможности вовремя смыться. А тут получа-

ется, что если сойдут с позиций, то уже противник окажется на высотах, а отступать придется по равнине, прилегающей к аэродрому. Плохо. Думать, думать, думать. Лучше бы не допустить боя на этой позиции: потерь тогда не миновать.

Несмотря на то что вода бурлила и где-то внизу, под пальмовыми досками террасы, гудела электропомпа, я услышал приближающиеся шаги. Две пары ног шли по окружающей дом дощатой веранде. Я подтянул поближе брошенный на пол халат, под которым лежала «гюрза» без кобуры. Остров здесь безопасный, но уж никак не для меня, нелегально проникшего и собирающегося эту самую безопасность разрушить. Тут уже все устройство мироздания тебе намекает, чтобы безоружным не шлялся.

Но пистолет не потребовался. Из-за угла дома появились Светлана и Катя, улыбающиеся и вообще довольные собой. Катя к тому же несла в руках большой пакет из упаковочной бумаги. Я убрал руки от халата, вздохнул преувеличенно тяжело.

– Дорогие, я здесь как бы ванну принимаю, – сказал с укоризной. – Не одет я, знаете ли. Могли бы предупредить о своем появлении или постучаться, на худой конец. Как примерные девочки.

– Ладно, чего я там не видела? – отмахнулась Светлана. – Застенчивый какой.

– Я не видела! – подняла руку Катя.

– А тебе и не надо – ты на меня смотри, – засмеялась Свет-

лана, затем обратилась ко мне: – Уверены, что ты даже не ел сегодня. Китайскую еду будешь? Мы о тебе позаботились.

– Буду, – честно сказал я, хоть и не большой поклонник китайской кухни.

– Не злись: наружная дверь закрыта, как бы мы еще внутрь попали? – сказала Светлана.

– С этой стороны открыта, заходите в дом, – махнул я рукой.

Они зашли в дом, а я подтянул к себе полотенце. Хорошо, что они дали минут тридцать спокойно посидеть: колена вроде бы уgomонилось. Стараясь не слишком опираться на левую ногу, я выбраться из джакузи, вытерся, набросил халат, а на халат сверху через плечо – пояс с кобурой, на манер «бандольеро». Открыл дверь с террасы в гостиную, вошел внутрь. Вечера уже стали прохладней, чувствовалось приближение сезона дождей, и кондиционер я не включат. Дом был полон застоявшихся ароматов цветов, которые росли в горшках и длинных низких вазонах вдоль окон. Светлана рассматривала лежащую на кофейном столике «девятку» с коллиматорным прицелом и глушителем, Катя возилась с тарелками за барной стойкой, на кухне.

– Серьезно подготовился, – сказала Светлана, положив автомат на место. – Ты же вроде бы не собираешься здесь никого отстреливать сегодня?

– Кто знает, как дело повернется, – неопределенно ответил я. – Сама понимаешь, как может быть. Сначала вроде

ничего, ничего, а потом как подопрет кого-то пристрелить – хоть плачь.

– Маньяк, – хихикнула она, а затем спросила: – Когда твоя девушка прилетает? Сеньорита Гомез, если я не ошибаюсь?

– Да, сейчас Гомез, – подтвердил я. – Завтра прилетает.

– Одна?

– Нет, – покачал я головой. – Еще трое с ней. Первая группа.

– Ты сам встречаешь?

– Сам. Это нормально? Проблем не будет? – поинтересовался я.

– Нет, – ответила Светлана, отходя от столика и усаживаясь в кресло. – У вас обоих идеальные документы, можете ездить куда угодно и делать что угодно. Только ты сам, лично, Родману на глаза не попадайся, и все. А больше тебе опасаться некого. Ты меня с ней познакомишь?

– Зачем? – аж подскочил я.

Мне эта мысль не показалась удачной. Можно сказать вообще не показалась, то есть вообще. Может быть, Светлана и изменила склонности, предпочитая Катю мне, но, зная характер Бониты и то, что до совсем недавнего времени сама Светлана упорно тащила меня в постель... Трудно сказать, во что такая «встреча в верхах» выльется. И вообще считается моветоном знакомить «бывших» с «нынешними». Этому еще в школе на уроках природоведения учат. Кажется.

– Ты не сможешь в будущем прятать нас друг от друга, –

заявила Светлана. – Я уступила тебя и вообще изменилась. Она получила тебя, но наверняка подозревает меня в том, что я до конца не отошла в сторону. А нам с тобой, да и с ней тоже, предстоит еще много впереди, если, конечно, тот союз, который мы заключили с тобой, хоть чего-то стоит. Поэтому лучше познакомь нас, не создавай лишнего напряжения. Я же не дура – сумею повернуть ситуацию к лучшему.

Говорила она это все серьезно, медленно, словно пытаюсь насильно вдавить каждое слово мне в извилины.

Нет, Светлана очень, очень даже не дура. Настолько, что если кто-то решит выставить в музее экспонат под табличкой «Не дура», то выставлять придется ее восковую копию. Но, зная ее характер, задумываешься – захочет ли она повернуть ситуацию к лучшему? Хотя почему бы нет? Если она рассчитывает на мою помощь в будущем, вряд ли она будет рубить сук, на котором сидит. Такая метафора применительно к сексуальным отношениям меня насмешила, и я улыбнулся.

– Ты чего скалишься? – спросила она.

– Да так, неважно, – махнул я рукой. – Наверное, ты права. Лучше сразу с этим разобраться.

Светлана удовлетворенно кивнула, словно подчеркивая свою победу.

– Катя тоже будет присутствовать, – сказала она, отпив пива из запотевшего бокала. – Мы понежничаем с ней, чтобы не было сомнений. За попки друг друга похватываем, под юбоч-

ки полезем.

– У вас и юбочки есть? – удивился я. – А вообще слишком откровенно не нежничайте, а если нежничать все же будете, то не публично – приезжает еще один мужик из Аламо.

– Кто, «ветвь Давидова» или «горец»? – заинтересовалась Светлана.

– Ближе к «горцу», и не экстремист, но все же... – сказал я неопределенно. – А так – нормальный, бывший сержант морской пехоты. Наш друг. И с ним дочь.

– Дочь – здесь? – удивилась Светлана и затем уточнила на всякий случай: – В смысле дочь твоего друга приехала поучаствовать в похищении, ограблении и убийстве?

– Да. Мама у нее давно умерла, девочку вырастил папа. Как сумел, – подтвердил я. – Красивая девочка, но еще к красоте она прекрасно стреляет, водит самолет и все наземные виды транспорта, может отдубасить парочку здоровых мужиков и водит шашни с профессиональным диверсантом.

– Впечатляет, – ернически кивнула она. – Тоже хочу. Не с диверсантом в смысле, а с ней хочу.

– Светлан, ты дошутишься, а с ней шутки опасны, – усмехнулся я в ответ на ее заявление.

– Ладно, не напрягайся. – Она опять отпила пива из бокала. – Я теперь всех красивых девок хочу, как прорвало. Если есть лишние – привози.

Катя подошла к нам с подносом, на котором стояла целая куча картонных коробочек, разрисованных красными драко-

нами, три тарелки и три набора палочек для еды.

– Так, смотрите. – Она ткнула палочками в первую коробку: – Вот здесь ребрышки в соли и перце, это – курица «посычуаньски» в остром соусе, стеклянная лапша, рис с тремя вкусами, свинина с креветками и бамбуком в коричневом соусе, а вот здесь... забыла, что здесь, – разберетесь.

Катя изменилась, и при этом в лучшую сторону. Не внешне, а по внутреннему содержанию. Все та же прическа «мальчик-отличник» с высоко подбритой сзади тонкой шейкой, все те же прямоугольные очки в тонкой оправе, изящная фигурка, тонкие руки с красивыми ладонями. Но если раньше она была постоянно напряжена, готова к любому бою и любым поступкам в борьбе за личное благополучие, то теперь было видно, что у нее все хорошо и это самое благополучие достигнуто. Появилась некая вальяжность во взгляде и речи, даже движения стали более плавными и ленивыми. Я заметил, что и Светлана смотрит на нее даже с нежностью. Как на любимую кошку.

Манера одеваться у Кати тоже изменилась, потому что теперь она скопировала таковую со своей любовницы. Те же узкие, эластичные джинсы, как у Светланы, та же мужского покроя сорочка от «Пинк» с лондонской Джермин-стрит. Только на ногах не мокасины, а массивные ботинки, которые ничуть не испортили ее, а наоборот – подчеркивали изящность телосложения.

В общем, у девушек пошел процесс обмена вкусами и при-

страстями, как бывает между настоящими супругами. Значит, у них друг с другом действительно все хорошо. Ну и слава богу! Вот пусть так дальше и будет: меньше мне проблем.

– Вообще-то мы заехали узнать – нужна ли еще какая-нибудь помощь? – спросила Светлана, когда все уселись.

– Помощь... нет, пожалуй, ничего уже не требуется, – покачал я головой. – Главное, что нужно, – это создавать улики против Родмана. Если этим будешь заниматься ты и еще Смит, то тем проще будет свалить все, что произойдет, на него – и, значит, тебе же будет проще утвердиться на его месте.

– Это я поняла, – очень серьезно ответила она. – Но тебе придется забирать Бернстайна из дома Родмана, а у Бернстайна нечто вроде паранойи, насколько мне удалось узнать. Когда он приезжает, то без охраны даже в уборную не ходит, хотя этот остров самое безопасное место в обоих из миров. Наверняка с ним останется Маллиган, а Маллиган хорошо подготовлен и очень подозрителен.

– Я понимаю, – кивнул я, на самом деле не понимая, куда она клонит. – К чему ты?

– Катя, – ответила Светлана. – Катя пойдет с тобой забирать их из дома. Или убивать их в доме, что я бы предпочла, потому что Бернстайн с Маллиганом должны умереть у нее на глазах. С Родманом мы решили, но эти двое – покойники.

– Катя? – Я повернулся к девушке.

Та спокойно кивнула:

– Да, пойду. Если приду я, то мы не вызовем подозрений. Они оба меня знают – я не боевик, а клерк, а значит, абсолютно безопасна. Если со мной будет еще кто-то, то они подумают, что это новый сотрудник: штат в Отдел только набирается.

– А вас не смущает то, что там произойдет? – спросил я ее осторожно.

– Мне все равно, что с ними произойдет, – ответила Катя. – Светлана рассказала мне про девушек. Пусть все подойдет, и я хочу это видеть. Видеть, чтобы знать точно, что они подошли.

Предложение хорошее, разумное, о чем тут спорить. Действительно, если в дверь дома позвонит «своя» Катя, а с ней будет Бонита, например, выглядящая столь же мило и невинно, то Маллиган гарантированно расслабится. А расслабляться с Бонитой – верная смерть: лучше уж с дагомейской гадюкой расслабляться. Какая бы у того ни была подготовка, но во владении пистолетом Мария Пилар Родригез опережает его на голову априори, по определению. Мне даже проверять это не нужно. И надо было бы добавить Джей-Джей – боевое крещение все же, проверка в деле, но не получится: у нее как раз на это время будет другое задание. В следующий раз проверю.

Но в предложении есть и минус. Я, собственно говоря, не декларировал предстоящий взлом сейфа Светлане, и эту деталь из видеопотока допроса Хоффмана я тоже Уда-

лил, дабы не возбуждать нездоровых инстинктов в ком-то еще, кроме себя самого. Если там будет Катя – придется делиться. С другой стороны, я с самого начала планировал поделиться – лишь потом, когда Светлана сама предложила увести полтора миллиона орденских денег и «распилить» их между собой, я тему с сейфом аккуратно опустил.

– Спасибо, Катя. Это будет идеально. Вы пойдете с нами. – Я обернулся к Светлане: – Дорогая, у меня еще один вопрос, я забыл поинтересоваться раньше.

– Интересуйся.

– Смит встречал меня на аэродроме у контроля. А заехать на само поле на машине можно?

– Конечно, – пожала она плечами, как бы подчеркивая наивность вопроса. – Как ты скажешь, так они и сделают. Ты же здесь главный по безопасности, у тебя «допуск В». Кто что скажет?

Да, иногда секретность играет против тебя же. Этим грешат все государства, и Орден вовсе не исключение. Придумали совсем секретный Отдел специальных проектов, дали всем оттуда право ни перед кем не отчитываться и целый список привилегий, а теперь? Когда несколько человек из Отдела играют против своего начальства? Они же могут творить теперь все, что в голову придет. Я буду возить оружие и диверсантов мимо контроля, и никто мне ни слова не скажет. Ох, не зря, не зря они до последнего времени избегали создания любых спецслужб на Нью-Хэвене. Очень они

были в этом правы.

– Слушай, а кем мне присвоены такие полномочия? – спросил я. – Самим Отделом, обезличенно, или лично кем-то?

– В Отделе обезлички не бывает, – менторским тоном ответила Светлана. – Если начнут внутреннее расследование, то обнаружат, что полномочия тебе присвоил лично Родман – я смотрела в деле. И Родман же тебя пригласил. Смит, видимо, подсунул ему тебя среди прочего. Родману ведь недосуг работать лично – у него все дела, дела... Он у нас, как он сам декларирует, «ответственен лишь за идеологию работы», а детали – это уже мы сами. Вот мы и помогаем в меру способностей. Каждый по-своему.

Классика жанра. Как только руководство становится достаточно ленивым или достаточно важным, чтобы не углубляться в детали, так подчиненные начинают пользоваться этим без зазрения совести. Сколько в мире отдано приказов и распоряжений, которых на самом деле никто не отдавал и которые были лишь еще одним листочком в целой пачке подобных, лежащих в папке «На подпись»? И здесь то же самое. Родман сам, своей рукой, подписал себе приговор и уже палача назначил. И даже не знает об этом. В чем смысл моей речи? Если вы большой начальник, не подписывайте бумаг, не читая. Вот и все, весь смысл, собственно говоря.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 14 число 10
месяца, четверг, 10.00**

С утра четверга я поехал на орденской машине на служебную территорию. Спокойно преодолел КПП, уделив немножко внимания расположению постов, проехал за забор. На этой территории движение оживленным назвать было нельзя, и застроена она была не так чтобы плотно. Здесь поодаль друг от друга, так, чтобы не мешать, а может, и не подглядывать, располагались отделы и управления, которые курировались различными членами Правления. Структура Ордена была вполне мафиозной – у каждого свой бизнес, и неважно, насколько он аморален, главное – делились прибылями и будь лоялен. Поэтому эти самые отделы и управления так и располагались: на своих отдельных территориях, фактически прячась друг от друга.

Я заметил, что проехал мимо территории Отдела специальных проектов, в котором я даже числился, узнав его по прошлой поездке со Смитом. Теперь территория отдела уже не выглядела такой запустевшей, как раньше. На стоянке перед офисными блоками стояли машины, кто-то хо-

дил по огороженному двору. Я даже разглядел серебристый «мерседес» Светланы со снятой крышей, припаркованный отдельно от остальных машин на месте, огороженном белым заборчиком. Начальство!

Целью моей поездки было простительное желание посмотреть на базу Патрульных сил. Техника у них, насколько я знаю со слов Хоффмана, находилась на открытых площадках, и можно, постаравшись, найти точку, откуда было бы возможно эти площадки разглядеть.

До расположения батальона оказалось довольно далеко, если по местным меркам. Их территория примыкала к самой бухте, в которой и сейчас у пирсов стояли два патрульных катера. Скопление белых быстросборных домов и навесов над рядами техники видно было издалека: никто ни от кого не таился. И место для наблюдения нашлось, только в результате меня ожидали неприятные вести.

Да, основу их мобильности составляли «хамви», бронированные и небронированные, с различным вооружением на крыше, крупнокалиберными пулеметами и автоматическими гранатометами Mk.19 mod.3. Были и новенькие броневики LAV-25,¹ в основе своей – швейцарские «пираньи», с автоматическими пушками «бушмастер». Серьезные машины, но это еще терпимо. Меньше понравилось другое –

¹ LAV-25 – бронемашина, стоящая на вооружении в ВС США, лицензионная копия швейцарской «Моваг Пирания». Вооружена 25-мм автоматической пушкой «бушмастер» и соосным 7,62-мм пулеметом. В десантном отделении размещается шесть человек.

мне удалось увидеть как минимум четыре бронетранспортера М113 на гусеничном ходу с зенитными многоствольными пушками М61 «вулкан» с темпом стрельбы до шести тысяч выстрелов в минуту и калибром двадцать миллиметров. Если такая просто поведет стволами по вершине хребта, где будет засада, засаду можно списывать в расход. А если такая прицелится в вертолет, то судьба его ожидает печальная.

Еще меньше мне понравился ряд «хамвиков» с очень знакомыми с виду спаренными трубами, нависшими наклонно над кабинами. «Иракское» изобретение американцев – трофейные автоматические «васильки» советского производства, установленные на внедорожники.

Минометы – это вообще плохо. Они сократят время нашего огневого контакта с противником ровно до той величины, сколько им потребуется связаться с пехотой и начать получать координаты. Против минометов у нас нет ничего. И быть не может, потому что это за пределами нашей весовой категории. Тем более автоматические «васильки», способные закидать нас минами. Не радует.

Ладно, нечего здесь маячить. Какой бы у меня уровень допуска ни был, торчать в машине в виду военной базы может оказаться вредно для здоровья. По крайней мере, если бы я здесь командовал, а торчал кто-то другой. Лучшая и главная черта настоящего военного – здоровая паранойя в тяжелой, патологической форме.

Я спустился на машине к самому морю, свернул нале-

во, на проселок, там развернулся и вновь покати́л обратно, к КПП на вершине горы. И по дороге меня осенило. Форма острова исключает нормальную коротковолновую радиосвязь, которая является основой согласованности действий любых войск. Значит, на вершине не только РЛС: на вершине еще и ретранслятор. Конечно, есть и проводная связь, и телефонная, но... а видел ли я здесь проводные телефоны? Видел. И оптоволокно проложено, раз есть общая компьютерная сеть. Есть еще и сотовая связь, но для сотовой тоже имеется ретранслятор. Где? Там же, на вершине, на самой высокой точке. Оттуда самая лучшая зона покрытия, никакой радиотени, достаточно одного ретранслятора – экономично и удобно. Вот вам и дополнительные цели в список. Удастся лишить войска коротковолновой связи между половинами острова – и сразу задача облегчится.

Снова поднявшись к вершине, я выкатил из ворот и вновь остановился на оживленной стоянке возле КПП, огляделся, не выходя из машины. Действительно с правой стороны видна решетчатая вышка с кучей аппаратуры наверху. Это может быть и сотовая связь, и телевидение, и стационарный радиоретранслятор. Других башен не видно – скорей всего, все в одном месте: вон сколько блоков висит на ее фермах! А как туда попасть? Даже если никого там нет, все равно должна быть подъездная дорога, чтобы машина ремонтников могла подъехать, – иначе никак нельзя. С другой стороны, а зачем туда попадать? Никакая навешенная на выш-

ку электроника не выдержит попаданий бронебойных патронов из «выхлопа». А раз так, то нечего и соваться. Нарвусь на охрану, там меня запомнят... Нет, не надо.

Я тронул машину с места и выехал со стоянки. Когда я сворачивал с площади на дорогу, ведущую к аэропорту, мне пришлось пропустить классический американский «школьный автобус». Вообще-то на таких автобусах возили не только школьников, но и военных, и рабочих, и кого угодно, он лишь не работал на городских и междугородных линиях, но именовали его все равно «школьным». В автобусе было множество африканцев, одетых в какую-то красно-желтую униформу, напоминающую служащих отеля или чего-то такого. Везут новую смену на работу? Если да, то почему автобус выехал со служебной территории, откуда я недавно появился сам? Живут они там? Действительно, а где они вообще живут, все эти уборщики, таксисты, горничные, отельные проститутки и остальные? Миллионерами их не сочтешь, а трущоб на Нью-Хэвене я не видел. Надо будет у Светланы или Кати поинтересоваться, кстати. На всякий случай.

Автобус свернул на перекрестке налево, к побережью, а мне пора было ехать к аэродрому: скоро должен был приземлиться челнок из Порто-Франко. И я поехал не торопясь, пытаясь при этом представлять себя командиром Патрульных сил Ордена, рвущимся на выручку охране аэродрома. Откуда на меня нападут? Где заминируют дорогу? И где бы я этого точно не ожидал?

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 14 число 10
месяца, четверг, 14.00**

Связь, связь. Кто... сражается, скажем... и в дождь и в грязь? Наша доблестная связь. А что у нас со связью на аэродроме? Я остановился на стоянке, вышел из машины и оглядел здание терминала снаружи. Мачта антенны на крыше и толстый кабель, подходящий к дому. Похоже на телефонную «воздушку». Это не электричество: оно подведено с другой стороны, – и там не одна линия. А здесь похоже на телефон. Заходит на крышу, а потом с крыши в сторону летного поля тянется другой провод. Точно, телефон. Надо будет пройтись по линии – зашлю кого-нибудь, когда наши кубинцы придут. А если найти основной телефонный узел острова – вряд ли у них больше одного, – то можно будет найти и тот кабель, который несет связь на служебную территорию. Не думаю, что его закопали: грунт здесь скальный все больше, трудов не оберешься под землей разводить.

А если кабели идут поверху, то возни немного, если к ним тротилловые шашки примотать и химические взрыватели воткнуть, а пользы может быть – о-го-го! Если еще и ретранс-

лятор радиосвязи выйдет из строя до кучи. Можно было бы еще и место обрыва растяжками окружить, да только не будем этого делать. Наверняка гражданских спецов пошлют чинить: здесь же не война. Подловато получится, если местного Васю-монтера с телефонного узла на небеса с помощью противопехотной мины отправить. Если бы война была здесь, то тогда не грех пару-тройку ОЗМ-72² на растяжку поставить, да еще под каждую по МС-3³ подсунуть, чтобы неповадно было разминировать.

Ладно, не будем монтеров трогать, но связь поломаем к чертовой матери, насколько сможем.

Пришел я к такому выводу, уже выбравшись из припаркованной машины и заходя в здание пассажирского терминала аэродрома. Аэропортом назвать это место было бы все же преувеличением. До аэропорта в Новой Земле еще никто не дорос. Зал был небольшим, с парой десятков мягких кресел и столиков для ожидающих и с маленьким баром в углу. За баром хозяйничала темнокожая мулатка в белой рубашке и синей юбке. В креслах сидели двое встречающих, один из них склонился над открытым ноутбуком. Зал был отделен стеклянной стеной от смежного, где находился контроль. Уже знакомая мне арка металлодетектора, рентген для су-

² ОЗМ-72 – противопехотная мина выпрыгивающая, кругового поражения. Зона сплошного поражения до 30 м, количество убойных элементов (роликов) – 2400 шт.

³ МС-3 – мина-сюрприз, в основном используется как устройство неизвлекаемости. Срабатывает на разгрузку.

мок и чемоданов – все как в обычном аэропорту. Пока самолет не приземлился, в кресле контролера сидел лишь один человек в повседневной форме Патрульных сил. Я прошел к нему, уже привычным жестом протянул свой Ай-Ди и сказал:

– Яковенко, Отдел специальных проектов. Где старший смены?

Контролер махнул моей картой под сканером, там пискнуло, он вернул карту мне и удовлетворенно кивнул. Затем сказал: «Секунду, пожалуйста», снял трубку с внутреннего телефона, нажал на кнопку. В трубке ответили, и контролер сказал:

– Карел, к тебе из Отдела.

Положив трубку на рычаг, контролер поднял глаза на меня и сказал:

– Будет через минуту, сэр.

– Благодарю вас, – ответил я, отходя от стойки.

– Не за что, сэр, рад помочь.

Действительно, ровно через минуту из двери с надписью «Проход только для персонала» появился высокий лейтенант Патрульных сил лет двадцати пяти с виду, высокий, плечистый, тоже в повседневной форме, с кобурой на поясе.

– Лейтенант Дворжак, Патрульные силы, – представился лейтенант. – Чем могу помочь?

– Яковенко, Отдел специальных проектов, – в свою очередь отрекомендовался я. – У вас «висит» в сети приказ

за подписью Спенсера Родмана, главы Отдела, о том, что мне надо въехать на машине на летное поле и встретить челнок. Прилетят четверо с тяжелым багажом, без регистрации и осмотра.

– Я дам команду, – кивнул лейтенант, затем спросил: – Знаете, где остановится челнок?

В его английском чувствовался восточноевропейский акцент. Чех, судя по всему. Или словак.

– Нет, не знаю, – покачал я головой. – Раньше встречать не приходилось.

– Подъезжайте к воротам справа от здания терминала, по сигналам, – показал он рукой куда-то за окно. – Я сам вас там встречу и объясню.

– Понял, спасибо.

Я вышел в зал ожидания, попросил у мулатки в баре чашку двойного по крепости и по объему «эспрессо» на вынос, дождался, пока она отдаст мне пенопластовый стаканчик с крышечкой, и пошел на стоянку. Ох и хорошо служить в Отделе. Светлана, с ее амбициями и властолюбием, наверное, просто наслаждается жизнью. Почет и уважение, причем исключительно авансом – никакими подвигами Отдел себя еще не проявил.

Сел в машину, воткнул стаканчик с кофе в держатель, тронулся с места. Ворота были справа от здания, вплотную к нему. Нажать на сигнал я даже не успел, как сплошная металлическая створка дрогнула и поползла в сторону. За во-

ротами стоял лейтенант Дворжак.

– Езжайте за патрульной машиной, они вас прямо до места доведут, – сказал он, заглянув ко мне в открытое окно.

Он показал на стоящий рядом «хамви» с крупнокалиберным пулеметом на крыше, в котором сидели двое солдат в полной боевой экипировке, но без шлемов. Один из них показал мне жестом, чтобы я следовал за ними, «хамви» поехал, а я пристроился ему в хвост. Патрульная машина, избегая выезжать на ВПП, покатила вдоль самого забора мимо ангаров, цистерн с топливом и еще каких-то строений вдаль от терминала. Когда мы отъехали метров на пятьсот примерно, «хамви» остановился, правая дверца распахнулась, и оттуда ловко выскочил молодой капрал. Он подбежал к моей машине, показал рукой на площадку перед огромным ангаром:

– Сэр, вы можете поставить машину у этих ворот. Самолет будет разгружаться прямо здесь, где мы стоим. Там вы не мешаете, но будете рядом.

– Спасибо, капрал, – поблагодарил я его.

– Не за что, сэр, – откозырял тот. – До свидания.

Он подбежал к «хамви», и тот уехал. А я переместил «сто десятый» туда, куда мне указали, встал так, чтобы удобно было наблюдать за прибытием самолета, заглушил дизель, распахнул дверцу и взялся за кофе. Было тихо, лишь вдалеке стоял еще один бронированный «хамви» охраны аэродрома, вооруженный тоже М2, как и тот, который довел меня досю-

да. Еще два стояли у самой стены терминала, и там же было два невооруженных и небронированных внедорожника – дежурные машины. Шесть машин, из них четыре вооруженных, вся смена охраны аэродрома – двадцать четыре человека, не считая командира и контроля. Это только внутри периметра.

Командир смены и три контролера в полицейской экипировке, тридцать человек в полной экипировке, с автоматическими винтовками, гранатами и прочим, с четырьмя крупнокалиберными пулеметами на бронированных внедорожниках. Восемь из них на поле с машинами, один у ворот, остальные в караульном помещении в терминале, отдыхающая смена и бодрствующая. У контролеров график другой – он зависит от графика прилета и отлета. За начальника караула или начальник смены, или один из сержантов. Вот это странно.

Один из вооруженных «хамви» стоял у вертолетной стоянки. В машине было двое, а еще один прохаживался по периметру стоянки, повесив винтовку на плечо. На стоянке целых шесть «апачей», а кроме них есть еще и транспортные вертолеты, но экипажи дежурных машин далеко – в здании аэропорта на втором этаже. Техники тоже располагались там: у машин – лишь охрана. В случае боевой тревоги они выбегают на улицу и их везут к вертолетам на невооруженных «хамви» с большими десантными отделениями – тех, что стоят у терминала. В принципе вся процедура ми-

нугу всего занимается: для тех задач, которые решаются вертолетами, – несущественно. На боевом дежурстве два вертолета, остальные – без подвешного вооружения и не заправлены. Рядом с ними стояли три М274, аэродромных платформы-транспортера, предназначенных для подвоза съемных модулей и боеприпасов к вертолетам. Возле них возились два техника в военной форме.

Грузовики-заправщики выстроились в ряд метрах в ста от меня. Тяжелые «маки», каждый способен заправлять одновременно два летательных аппарата, если хватит длины шлангов, чтобы растянуть их достаточно далеко в две стороны. Водители и все остальные работники этой службы аэродрома коротали время в трех вагончиках-бытовках поодаль от цистерн. Возле цистерн с топливом как раз и стоял еще один «хамви». Общее впечатление – нормальная численность и организация караула для охраны объекта, но все же совершенно недостаточная для обороны. Ну и сами виноваты в таком случае.

Самолет появился над взлетно-посадочной полосой минут через двадцать. Тот самый, уже хорошо мне знакомый «геркулес», переделанный в грузопассажирский турбовинтовой труженик, надежный и неприхотливый. Он коснулся бетона колесами в самом начале полосы, пробежал положенное ему расстояние, замедляясь, затем порулил, гудя двигателями и поднимая шлейф пыли за собой, в мою сторону, к стоянке. Место у него было постоянным, поэтому никакая

машина сопровождения перед ним не катила.

Уже через три минуты он стоял на своем месте, а на аэродроме началась суэта. Подкатил тот самый «экипаж» с рядами пластиковых сидений, на этот раз накрытый сверху тентом, о котором я думал, что он был создан для работы в шахте, подъехали два грузовика и вилочный погрузчик. Самолет отвалил аппарель, и началась разгрузка. Видимо, на этот раз груз занимал не слишком много места в грузовом отсеке, поэтому сначала выпустили пассажиров. Люди выходили один за другим, и самыми последними, кучкой, с трудом таща на себе огромные сумки, вышли Мария Пилар, Дмитрий и Джо с Джей-Джей. Я бросился им на помощь, выхватил по сумке у Бониты и Джей-Джей, попутно сорвав поцелуй с уст любимой женщины. Кое-как мы доволокли багаж до внедорожника, загрузили через заднюю дверь в кузов, после чего все расселись. Я завел машину и поехал к воротам. Видимо, солдат, их контролировавший, увидел меня издали, потому что при моем приближении они сдвинулись и открыли проезд. И через минуту мы уже катили по извилистой дороге к нашему временному дому.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 14 число 10
месяца, четверг, 15.30**

– Показывайте, что привезли, – сказал я приехавшим, после того как прошел шок от вызывающей роскоши виллы и после того как я напоил их кофе.

– Много привезли – сколько смогли утащить, – сказал Дмитрий. – Часть имущества прихватили в Порто-Франко.

– Кстати, в Порто-Франко нормально погрузились? – уточнил я.

– Абсолютно, – вступила в разговор Бонита. – Стоило мне дать им карточку прокатать, как дали «зеленый свет» на любые действия. Слушай, и кто я теперь такая?

– Как кто? – притворно удивился я. – Главная гестаповка Ордена, все боятся и трепещут. Имеешь право расстрелять без суда и следствия всех, кто тебе не нравится, или просто так.

– Хватит врать. Если бы так! Я бы... ух! – Она даже кулаком взмахнула, показывая, как она... «ух!».

– Ладно, – ответил я чуть серьезней. – Ты числишься в их Разведуправлении, организации секретной и с огромными

полномочиями, укомплектованной настоящими профессионалами, рыцарями плаща и кинжала. Это для публики. И которая на самом деле собрание дилетантов – ее даже еще нет толком, но об этом никто не знает. И ты никому не рассказывай, не ломай образ. Пусть все думают, что она уже и вправду есть, и даже что-то делает на благо Ордена.

Заявление мое явно поразило всех.

– И как же ты в нее попал? – поинтересовался Джо.

– История долгая и почти трагическая, – ехидно ответил я. – Но я ее не расскажу, потому что она еще и секретная, а вам достаточно знать то, что еще на несколько дней у нас такой статус сохранится.

– А у нас с Джей-Джей? – с притворным возмущением спросил Джо.

– Никакого статуса: вы изображаете отдыхающих, – ответил я. – Тут все равно никто никого не проверяет – считается, что посторонних на острове не бывает. Просто вы не можете проходить на закрытые территории, но вам туда и не надо. Вся наша деятельность будет на территориях «общего пользования», если можно так выразиться. Для вас тоже очень симпатичная вилла снята, с четырьмя спальнями, в двух минутах езды отсюда. Там стоит еще одна прокатная машина, ключи должны лежать в «бардачке».

Я оглядел рассеявшихся на диванах друзей и спросил:

– Уважаемые, вы мешки распаковывать собираетесь, наконец? Посмотрим, что вы привезли, затем берите прокат-

ный «рэнглер» во дворе и езжайте к себе отдыхать.

Привезти им удалось немало, учитывая, что Джо с Джей-Джей тоже преимущественно волокли наш груз – им в бою не участвовать, по большому счету. В общем, каждый оказался при своем основном оружии, притащили дюжину мин МОН-50,⁴ два парных выюка с РГО и РПГ с небольшим запасом выстрелов. Попозже еще такого добра привезут, но уже сейчас приятно ощущать, что мы вооружены нормально. И самое главное, что они притащили, – винтовку ВССК «выхлоп» для Бониты. Что это такое? Это бесшумная, наподобие «винтореза» винтовка, стреляющая дозвуковыми патронами, только с одной особенностью – калибр патронов 12,7 миллиметра. Пятидесятый, если в американском стандарте. Весит при этом она не больше семи килограммов, что приемлемо, а эффективная дальность до шестисот метров, потому что хоть и медленная, но очень тяжелая пуля летит стабильно. К ней ровно сто бронебойных патронов с пулей весом семьдесят шесть граммов, которые на двухстах метрах шестнадцатимиллиметровую сталь пробивают. Думаете, баловство? А вы представьте, как из такой винтовки сшибать антенны, ретрансляторы и прочее. Или тихо пор-

⁴ МОН-50 – противопехотная мина осколочная управляемая, направленного действия. Поражение наносится на расстояние до 50 м в секторе 54 градуса. Количество поражающих элементов (шарики или ролики) – 489 или 540 шт. Устанавливается на растяжку либо активируется от электродетонатора. Возможны и другие варианты, потому что собственными средствами взрывания боеприпас не комплектуется: используются стандартные.

тить издалека патрульные «хамви». Вот-вот, для этого она и нужна, спасибо Владимирскому, что передал ее нам из запасов своих групп. Снял с нас целую кучу проблем.

Боеприпасы у всех были исключительно бронебойные, именно поэтому Мария Бонита изменила своему верному «глоку», предпочтя ему трофейный ГШ-18. Как «глок» перенесет усиленные патроны ПБП – неизвестно, вот она и решила не рисковать. А с чем другим в бой соваться не стоило: не тот противник ожидается. Все бронежилеты носят – надо такое, чтобы жилеты эти самые пробивало. Как моя «гюрза», например, своим бронебойным СП-10 четыре миллиметра стали прошибает с пятидесяти метров. Очень неплохо любой жилет издыривить можно, вместе с его носителем.

Дальше взялись распределять роли. Дмитрию, Джей-Джей и Джо было приказано сегодня изображать счастливых отдыхающих и, используя прокатный «рэнглер», как можно лучше изучить дороги, соотнести их с картой. На карте я уже пометил будущие позиции и попросил осмотреть их, не привлекая особого внимания. А так – покататься, пообедать где-нибудь, между делом подобраться поближе к жилищу Родмана. Сегодня для них главное – освоиться на местности. Мы же с Бонитой, как обладатели Ай-Ди с высоким допуском, должны были поискать уходящий на служебную территорию магистральный телефонный кабель. А потом по плану у нас была встреча со Светланой и Катей – у них дома.

На следующий день должны были прибыть братья Рами-

рес – все, кроме раненого Игнасио, – и с ними Раулито. Соответственно к вечеру следующего дня численность нашей группы должна была составить семь человек, не считая Джо с Джей-Джей, у которых было другое задание. И эти семеро должны были вскоре устроить на этом острове нечто невероятное – настоящее светопреставление по местным меркам. И устроить его в воскресенье, до которого оставалось всего три дня.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 14 число 10
месяца, четверг, 20.00**

– Значит, та, которую я сейчас увижу, и есть твоя любовница?

– Нет, она любовница той, второй, которую ты тоже сейчас увидишь. А та, вторая, которую ты сейчас увидишь, любовница другой, первой, которую ты тоже сейчас увидишь, и которая не моя любовница.

– Не паясничай! Ты с ней спал.

– Мы с тобой еще знакомы не были, и очень недолго.

– Все равно спал.

– Мне сорок лет, и за эти годы мне действительно довелось переспать кое с кем.

– Тогда давай и к ним поедем на семейный обед.

– Это не семейный обед. Это деловой обед.

– У нее дома?

– Дома, чтобы нас не запомнили вместе. Это я как мышь серая: увидели меня и забыли, а с тобой она мелькнет – и весь остров будет об этом судачить. А нам не только работать, нам еще воевать здесь. Не надо быть слишком замет-

ными. Да и вообще чего ты выступаешь? Она же нас обоих пригласила, не меня одного.

– Хотела бы тебя одного наверняка.

– Скорее, тебя одну.

– Ты непохож на мышь.

– Что?

– На мышь непохож. Ты вешишь почти девяносто килограммов, ты большой для мыши.

– А мышь тут при чем?

– Не знаю, а чего ты о мышах заговорил?

– Я?

– Не я же!

– Слушай, мы опаздываем. Может, поедем?

– Соскучился по ней?

– Опять?

– Что – опять?

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 14 число 10
месяца, четверг, 20.30**

– Ладно, черт с тобой! Вези к своей любимой, если так без нее жить не можешь.

– О-о-о...

– А что? А что? Я что, неправду говорю? Ты сам сказал, что вы с ней спали!

– Ладно, мы не едем.

– Нет, мы едем, и именно сейчас! Я хочу ее видеть и хочу знать, с кем ты мне изменял.

– Мы даже знакомы с тобой тогда не были.

– Вы и потом виделись.

– Но я с ней не спал.

– Но мог переспать! Считаю, что спал.

– Зачем мне так считать?

– Что считать?

– А о чем ты?

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 14 число 10
месяца, четверг, 21.00**

– И на что ты там сегодня рассчитываешь?

– Погоди, погоди... ты что, наслаждаешься этим разговором? У тебя вид... счастливый.

– Есть немножко.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 14 число 10
месяца, четверг, 21.20**

К Светлане мы приехали с опозданием в сорок минут, но все же приехали. Самое интересное было в том, что, переступив порог ее дуплекса, Бонита оказалась удивительно мила, контактна, остроумна и вообще забрала всю беседу в свои руки. Ужин был доставлен из итальянского ресторана, сопровождался отличным итальянским же вином «Трикорно», сервировали его на просторной террасе первого этажа пентхауса. Беседа была оживленная, дамы смеялись, а я сидел молча, с ощущением, что меня последнюю пару часов продержали в работающей бетономешалке. Интересно, Бонита просто выговорилась, или это было... что это могло быть? Угроза? Профилактика потенциальной супружеской неверности? О чем мы столько времени ругались в машине, если сейчас девушки хихикают, держатся за ручки и вообще явно чувствуют себя в обществе друг друга просто прекрасно? Вот и пойми ее, любовь мою невозможную.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 15 число 10
месяца, пятница, 10.00**

С утра следующего дня к нам приехал Смит. Все уже были у нас и собрались в гостиной, перездоровались с ним. Затем он сделал нечто вроде публичного заявления:

– Родман полетит в Порто-Франко в субботу, в одиннадцать утра. – Он оглядел всех, словно проверяя, внимательно ли его слушают. – Бернштейн будет здесь сегодня вечером, Маллиган прилетает днем. Маллиган, судя по всему, останется охранять Бернштейна, а быть телохранителем Родмана он поручил мне.

– Неплохо, – прокомментировал я.

– Верно, очень удачно, – кивнул Смит. – Раньше Родман никогда так не поступал, но после исчезновения Хоффмана и одновременного приезда Бернштейна выбора у него нет. То, что Бернштейна надо охранять, – часть их сделки, но и сам он без охраны покидать остров боится.

– Ну, может, и правильно, – усмехнулся Дмитрий.

Смит просто хмыкнул и продолжил:

– Общая идея состоит в том, что там его будут охранять

орденские военные, проблем нет. Но кто будет его охранять от орденских военных? Один лететь он не хочет, и это нам удобно. К тому же меня одного ему мало, а Браун погиб. Поэтому он попросил подобрать второго человека в охрану – надежного и молчаливого, из новых сотрудников Отдела.

– Меня? – спросил Джо.

– Верно, – кивнул Смит. – Учитывая, что большую часть сотрудников он даже не видел, в силу обремененности иными заботами, я предложил хорошего человека, а именно – вас, Джо.

– Ему все равно, по-видимому, – усмехнулся Джо.

– В определенной степени, – кивнул Смит. – Достаточно моей рекомендации: других источников информации у него нет.

– О'кей, – сказал Джо. – И как будем действовать?

Смит обернулся, налил себе в стакан минеральной воды, отпил, после чего продолжил речь:

– В субботу утром я должен получить пятьдесят килограммов золота. Мы возьмем вашу дочь, спрячем ее в моей машине, заедем в банк, получим золото. Затем дождемся Родмана у аэродрома. Он не хочет, чтобы мы заезжали к нему домой, поэтому он подъедет туда один, на своей машине. Он въедет прямо на летное поле и поставит свою машину в ангар, где стоит служебный самолет. Мы должны будем перегрузить золото из багажника в самолет. Мы с вами зайдем внутрь, приведем Родмана и экипаж к подчинению,

после чего в самолет зайдет ваша дочь и займет место второго пилота. Я останусь здесь и покину аэродром – вы улетите. Самолет будет тот, на котором ваши друзья уже летали.

– Вместе зайдем, – сказал Джо. – Она в таких делах не хуже нас с вами соображает.

Смит посмотрел на Джей-Джей, кивнул.

– Как хотите, – сказал сухо. – Под вашу ответственность.

– Согласен, – ответил Джо.

– «Сессна»? – спросил я Смита.

– Да, и тот же экипаж, – подтвердил он. – Теперь о важном: экипаж состоит из геев, парнишка-бортмеханик – любимый пилота. Пилот – человек ранимый и тонкого душевного устройства. Если объявить, что его любимый сидит в пассажирском салоне в качестве заложника, пилот пойдет на сотрудничество, я уверен. Джей-Джей... правильно? – Смит повернулся к нашему пилоту.

– Да, Джей-Джей, – кивнула девушка, слушавшая непривычно для нее серьезно.

– Вы знакомы с подобными самолетами? – спросил Смит.

– Я умею водить самолеты подобного класса, а управление у них редко и мало чем отличается, – ответила она. – И в любом случае я могу контролировать соблюдение курса, графика и режима полета.

– Отлично, – кивнул Смит, поднимаясь на ноги. – Тогда, Джо, Джей-Джей, я заеду за вами в восемь утра завтрашнего дня. Будьте готовы.

Смит отклонялся и покинул нас, а Джо взялся за дополнительный инструктаж дочери. Пока я варил себе кофе, мне удавалось услышать отдельные фразы вроде: «Схватится за ствол... произвольная стрельба... только пистолет, и поменяй патроны на «глейзеры»: мы в самолете...» В общем, грузил девушку, но все больше по делу.

Сварив кофе, я махнул рукой Боните и вышел с мобильным телефоном на террасу. Набрал номер Кати, та ответила.

– Катя, завтра все по плану, – сказал я в трубку. – Встречаемся на перекрестке перед гольф-клубом в одиннадцать утра. Вы готовы?

– Да, я готова.

Голос звучал вполне твердо. Но это сейчас – посмотрим, что будет завтра. И с голосом, и вообще... Спросил на всякий случай:

– Не боитесь?

– Нет.

– Хорошо. Тогда до завтра.

– До завтра.

Я посмотрел на Бониту:

– Комментарии нужны?

– Нет, все ясно, – покачала она головой так, что густой блестящий хвост метнулся по плечам. – Она выдержит такое? Она совсем ребенок с виду.

– Обе они утверждают, что выдержит, – пожал я плечами. – Это одна из составляющих оплаты их помощи нам.

Катя должна увидеть, что Бернштейн и Маллиган мертвы. Да и ребенок она... тот еще. Таких детей еще в колыбели... ладно, черт с ними.

– А девушки будут живы еще? – спросила Мария Пилар.

– Если честно, то не знаю, – вздохнул я. – Но мы не можем атаковать раньше: тогда большая операция пойдет псу под хвост.

– Он же убьет еще двух, – сказала она, глядя мне в глаза.

Я выдержал взгляд, хоть и с трудом. Затем сказал:

– Не думаю, что он их сразу убивает. Он всегда на несколько дней приезжает, должен же «растягивать удовольствие»?

Я кривил душой. Черт знает, что эта сволочь успеет с нами сделать, но выбора у нас нет. Иногда и такие решения надо принимать, которые самому противны. Как я сам себе сейчас противен, лгущий и лицемерящий. Но нет у меня выбора, вообще никакого выбора нет. Шаг в сторону от плана – и все развалится.

– Ты точно знаешь, что от них останется к утру субботы? – спросила Бонита требовательно.

Я вздохнул, покачал головой:

– Не точно. – После паузы добавил: – Я вообще ничего не знаю, но знаю другое – если мы нападём раньше, то провал операции обеспечен. Погибнем мы, погибнет еще много людей. Ты же профессиональный военный – не тебе я должен это объяснять.

– Я знаю, – кивнула она печально. – Но мне очень плохо.

Это ужасно – иметь возможность спасти и не спасать.

– Есть другие идеи? – жестко спросил я ее.

– Нет. Ни единой, – вздохнула Бонита.

Я снова набрал номер на мобильном. Ответила Светлана.

– Это я, – представился я в трубку. – Мы встречаемся с Катей завтра в одиннадцать. Готовь две сумки и список.

– Хорошо, – ответила она. – Они у нее будут в багажнике.

Перегрузите себе, когда встретитесь.

– Договорились. Счастливо.

– Удачи.

Я нажал на «отбой».

– Полтора миллиона? – спросила Бонита.

– Да. Из них половина наша.

– Ты не хочешь ее декларировать?

– Нет. Это – экстра, – решительно ответил я. – Это останется у нас с тобой, как мы и договаривались. У нас двоих. Возможно, когда-нибудь они нам очень пригодятся.

– Даже из команды никто не знает? – удивилась она.

Эта идея ей явно не нравилась, но тут я уже ничего поделать не мог. Я по-другому смотрел на вещи.

– Даже из команды, – подтвердил я. – И незачем им знать. В команде разные люди, и все из разных мест. Скоро еще прибавится людей. Мы даже работаем на разные армии. И некоторые – просто на себя, Джо с дочкой, например. Семьсот пятьдесят тысяч – это семьдесят пять пачек. Купюры маленькие и тонкие, вся эта сумма влезет в пакет в пол-

метра в длину, двадцать пять сантиметров в ширину и всего три сантиметра в толщину. Они исчезнут в наших рюкзаках совсем незаметно. Как дополнительная прокладка для спины.

– Не знаю, я всегда думала, что если команда, то это все делится на всех, все в открытую, – с сомнением произнесла она.

Ну что же, такого заявления я тоже ожидал. И встречная речь у меня готова.

– Наверное, десять лет разницы в возрасте влияют, – сказал я Боните в ответ. – Я знаю точно, что рано или поздно любой команде приходит конец. И когда они распадаются, то выясняется, что у всех людей совсем разные интересы и они никогда не совпадают. А зачастую вступают в конфликт друг с другом. Война держит людей вместе именно на войне, общая работа – на работе, а когда она заканчивается, то выясняется, что люди вне войны и вне конкретной работы совсем другие. И тогда, если ты был слишком наивен или глуп, случаются проблемы. В любом случае мы сможем пустить эти деньги на общие нужды в любую минуту: полагай их резервом. Мало ли что может понадобиться?

– Ладно, решать тебе, – вздохнула она без особого восторга. – Ты командир, муж и кто там еще?

– Вождь, может быть? – предложил я свою версию.

– Ладно, пускай и вождь тоже, – согласилась Бонита.

– Класс, – с вымученным энтузиазмом сказал я. – Все-

гда мечтал возглавить племя. Ладно, пойдём ставить задачи на сегодня. У нас дел невпроворот, а мне ещё и братьев с Раулино сейчас ехать встречать. А потом и им задачи ставить, а завтра дел вообще тьма. К тому же у нас по плану на утро убийство и ограбление – надо подготовиться.

**Территория Ордена,
остров Нью-Хэвен
22 год, 16 число 10
месяца, суббота, 10.30**

Вчера вечером я вновь скатался на аэродром, к очередному прилету челнока из Порто-Франко, и встретил троих братьев Рамирес и Раулито с такой кучей тюков, что они еле уместились в «сто десятом», невзирая на его размер и багажник на крыше. Попутно я успел пожаловаться начальнику смены охраны аэропорта на причуды Родмана, нагнавшего на остров каких-то непонятных людей, которых едва успеваю встречать. Приказ в сети, подписанный Спенсером Родманом Четвертым, был тому наглядным подтверждением, и я молился, чтобы он сам его случайно не увидел, случись ему все же заняться служебными обязанностями. Вся наша схема держится на его лени и авантюризме, исправься он – и все развалится.

Я привез всех четверых на вторую виллу, где нас дожидался Дмитрий, и сразу назначил всем задания – нечего без дела сидеть, у нас времени в обрез.

На следующее утро я снова приехал туда, одновременно со Смитом. Тот был молчалив, собран, вооружен и экипи-

рован, равно как и ожидавшие его Джей-Джей с папашей. Суеты и настоящих сборов не было – оба уезжали налегке, вооруженные короткими «сто четвертыми» и пистолетами. Мы пожелали друг другу удачи, обнялись, дочь Джо и Бонита расцеловались. Я подошел к Джей-Джей, тихо спросил:

– Ты как? Готова?

– Вполне, – притворно равнодушно ответила она. – За меня не беспокойся, долетим куда надо и как надо.

– Я о другом. – Я взял ее за плечо в знак некоей доверительности: – Если кто-то будет вести себя плохо – не теряйся. Лучше напугать сразу, чем потом мучиться. Тактика террористов, и она всегда работает. Не давай даже мысли у пилота промелькнуть, что возможно сопротивление. Поняла?

– Да, – кивнула она.

– Ну тогда удачи, – отошел я от нее. – Джо, береги девочку. Не давай злодеям вводить ее в сомнения.

– За это не беспокойся.

Они уехали, а мы тоже взялись готовиться. Через час приехали Дмитрий и Карлос, просидевшие со вчерашнего вечера в кустах над домом Родмана. Сейчас их сменили уехавшие туда Маноло и Луис. Оба устали, немного продрогли, и Бонита взялась приготовить им горячие бутерброды. Я спросил у Дмитрия:

– Что и как?

– Вчера около двадцати трех сорока в дом приехал высокий мужчина, рыжий, в разгрузке и с автоматом. – Он до-

стал из сумки компактную видеокамеру, показав ее мне с намеком «сам посмотришь». – На вид ему около сорока лет, по описанию совпадает с Маллиганом. С ним были две девушки-африканки, лет семнадцати-восемнадцати на вид. Ни наручников, ни чего-либо другого я у них не заметил. Рыжеволосый открыл дом ключом, завел их внутрь, после чего вышел наружу. В течение десяти минут он заносил в дом какие-то мешки из полиэтилена, после чего вошел внутрь и больше не выходил. Около двадцати пяти часов приехал серебристый «Рэйндж Ровер», в котором были двое – высокий блондин, на вид примерно тридцать, в легкой рубашке и летних брюках, без оружия, и второй, тоже около тридцати или немного больше, среднего роста, сутуловатый, брюнет с кудрявыми волосами. Оба совпадают с описанием Родмана и Бернштейна. В доме зажегся свет, примерно через двадцать минут оттуда вышел Маллиган и уехал до сегодняшнего утра. Больше из дома никто не выходил. Шума слышно не было, видны были Родман и Бернштейн в гостиной, но девушек не заметил.

Дмитрий налил себе минеральной в стакан, большими глотками выпил, продолжил:

– Сегодня около семи ноль-ноль Маллиган вернулся в дом, уже без автомата и прочего железа, в обычной одежде. В восемь часов сорок минут Родман уехал на своем «Рэйндж Ровере». В девять часов десять минут из дома вышел Бернштейн, двадцать минут плавал в бассейне, после чего зашел

внутри. Больше ничего не происходило. От Маноло с Луисом тоже ничего не слышно – значит, там тишина.

– Что с системами безопасности? – поинтересовался я. – Меня больше всего камеры на фасаде волнуют.

– Камер нет, я осматривал стену по сантиметру все это время, – ответил Дмитрий. – И все вокруг. Все есть на видео, сам посмотришь. Датчиков тоже никаких не заметил. Да там и дверь такая же, как здесь, со стеклами. Родман без оружия ездит, значит, ничего не опасается.

– Хорошо бы так. Иному от оружия опасности для самого себя больше, чем от отсутствия оно, – протянул я. – Раулиито!

– Что? – откликнулся маленький подрывник.

– Готов? Выезжаем, – скомандовал я.

– Давно готов. – Раулиито показал на спортивный рюкзак, стоявший у выхода.

– Выходим.

Мы с Раулиито были одеты в «орденско-служебном» стиле, то есть кобура напоказ, практичная одежда, удобная обувь. Оба в темных очках, я в панаме, а Раулиито в берете. Этого обычно достаточно, чтобы никто вокруг не разглядел и не запомнил лица. При мне не было уже привычной «гюрзы», а вместо нее в кобуре покоилась трофейная «беретта» со съемным глушителем. Она сегодня нужнее будет: нечего лишние следы оставлять, случись чего.

Бонита же, напротив, оделась легко и соблазнительно,

в яркое и облегающее, под чем негде было спрятать оружие. В руках была небольшая сумочка, но с секретом. Пистолет в женской сумочке – это пошло, его доставать не меньше минуты придется. У этой сумочки снизу отстегивалась и отскакивала в сторону одна из стенок. Движение пальцем – и прямо в руку, да еще и незаметно для окружающих, выпал бесшумный ПСС, который я ей отдал для этого дела. В самой сумочке лежал еще и ГШ-18 – на всякий случай, если понадобится серьезное оружие.

– Мі Амог, минутку внимания, – окликнул я ее на выходе.

– Да? – обернулась Бонита.

– Твое дело – войти, – сказал я, глядя ей прямо в глаза. –

Если тот, кто откроет дверь, поведет себя не так, как надо, – расходуй его сразу. Договорились? Нам их жалеть не надо.

– Договорились, – кивнула она. – Но все же лучше сначала живыми.

– Естественно, – кивнул и я. – Зачем отклоняться от плана? Но если что не так...

– Я поняла.

– Ладно, с Богом!

Мы вышли во двор, загрузились в «сто десятый». Я выехал со двора, прокатил по подъездной дороге и, выехав на Главную, свернул направо. Теперь мне до перекрестка перед гольф-клубом «Нью-Огаста». Там нас будет ждать Катя на служебной машине. Вообще-то она на работу на своей ездит, но на сегодня мы сочли, что ей будет лучше воспользо-

ваться «лэндровером» с эмблемами на дверях. Мало ли кто обратит внимание на ее визит? Две служебные машины у дома начальника – что может быть более объяснимо для случайного наблюдателя?

Через двадцать минут езды мы подъехали к клубу и увидели за перекрестком трехдверный «Дефендер 90». Мы подъехали сзади вплотную, остановились. Я вышел из машины, подошел к водительской двери «девятиногого». Катя сидела за рулем – бледная, напряженная.

– Катя, как вы? – спросил я ее, наклонившись к водителскому окну.

– Нормально, – тихо ответила она.

На то, что ей совсем нормально, было не очень похоже.

– Не волнуйтесь, мы сами все сделаем, – сказал я. – Вы только в дверь позвоните – и можете даже не заходить.

– Я с вами пойду. Я хочу все видеть.

Она говорила почти не разжимая губ, глядя прямо перед собой.

– Мария Пилар поедет с вами, – предложил я. – Хорошо?

– Конечно.

Я позвал Бониту, стоявшую в ожидании у правой передней двери нашего «сто десятого».

– Расшевели ее немного, а то девчонка в обморок хлопнется. И вообще присмотри, а то мимо дороги промахнется.

Бонита кивнула мне, затем заулыбалась, подошла к машине Кати, залезла на правое сиденье, чмокнула Катю в щеку.

– Привет.

– Привет, – даже слегка улыбнулась Катя.

– Катя, последний вопрос, – обратился я к девушке. – Другой пистолет взяли?

– Да.

Она взглядом показала на кобуру, из которой торчала рукоятка «Вальтера ППК».

– Мой старый, собственный, нигде не учтенный, – объяснила Катя. – Его не жалко выбросить, если что случится.

– Хорошо, – кивнул я. – Все, с Богом.

Мало ли как пойдет дело в доме. Все же лучше Кате свое оружие с собой не тащить: вдруг случится выстрелить? У нее оружие служебное – возможно, и баллистическая карта с него сделана, следы останутся. Я вернулся к своей машине, где Рауито уже перебрался на переднее сиденье.

– Как она? – спросил он меня.

– Выдержит, – отмахнулся я. – Первое убийство все же. Считай, что в первый раз в первый класс.

– Ага.

Рауито предстоящее трогало мало. Наш маленький минер успел много в жизни повидать, хоть по внешнему виду сразу и не скажешь.

Мы тронулись с места и покатали дальше маленькой колонной. Проехали по извилистым дорогам гольф-клуба, где на поля уже вышли игроки, обогнули клуб-хаус, спустились к виллам на берегу и въехали на полукруглую подъезд-

ную дорогу к крыльцу Родмана. Там было пусто – ни души вокруг.

Все вышли из машин, мы с Раулито надели нитяные перчатки. Я бросил взгляд на фасад – действительно никаких камер, решеток или чего-либо другого. Безопасное место этот Нью-Хэвен. Был, по крайней мере.

– По местам, – скомандовал я.

Бледная Катя с лучезарно улыбающейся Бонитой пошли к входной двери, а мы с Раулито встали по бокам. Раулито вытащил пистолет из кобуры, тоже «беретту», навинтил на него глушитель, и я повторил его действия. Нечего зря шуметь. Катя нажала кнопку звонка, и через дверь до нас донесся мелодичный сигнал. Было тихо. Она нажала на звонок еще раз, и в этот момент дверь распахнулась. Бонита, стоящая за Катей, заулыбалась еще шире, послышался мужской голос:

– Кейти? Что-то случилось?

Голос звучал вполне дружелюбно, хоть и несколько удивленно.

– Светлана Беляева попросила нас передать для мистера Родмана этот конверт, который нам прислали... – затараторила Катя голосом примерной первоклассницы.

Все как я ее учил. В этот момент Бонита, продолжая улыбаться, шагнула вперед, поднимая перед собой сумочку, как будто собираясь раскрыть и извлечь из нее тот самый пакет, о котором говорит Катя. Мне было видно, как прямо ей

в ладонь выпал ПСС, Бонита еще шагнула вперед, мгновенным, как у гремучей змеи, движением вскинула маленький пистолет на уровень лица и буквально прошипела с неожиданно обострившимся испанским, акцентом:

– Замри, сволочь! Только глазками моргни – убью!

Я знаю, какими бешеными становятся ее глаза в такие моменты. Ей сразу веришь. Невооруженный человек в таком случае замрет, опешив или размышляя, как выкрутиться из неожиданной проблемы. А пока он размышляет... Я кивнул Раулито, и мы с двух сторон шагнули к широкой двери. Прямо перед ней, раскрыв от удивления рот, стоял высокий мужик с круглым конопатым лицом и короткими рыжими волосами. Я схватил его левой рукой за правое плечо, мешая ему потянуться к оружию, вталкивая его в дом и направляя трубу глушителя в лицо, Раулито заблокировал его левую руку, уперев пистолет ему в бок, Бонита вошла следом и за ней Катя, закрыв за собой входную дверь.

Маллиган и вякнуть ничего не успел, как мы с Раулито завалили его лицом в пол. Раулито выдернул у него из кобуры «Зиг-Зауэр P220»⁵ сорок пятого калибра, в модном двухцветном исполнении.

– Бернстайн где? Бернстайн? – зашептал я ему, подпустив в голос оттенок некоей психической нестабильности.

Это помогает: люди, оказавшиеся в таком положении,

⁵ SIG-Sauer P220 – просто хороший пистолет, разработанный в начале семидесятых. Популярен во всем мире.

больше всего боятся психов и неуравновешенных людей, а выглядеть я должен так, что хоть сейчас в Кашенко.

– Где Бернштейн? Говори, изуродую! – продолжал я бубнить.

– В подвале. Он заперся. Он занят... – прошептал Маллиган.

Маллиган был явно и сильно испуган и даже не пытался этого скрывать. К тому же он был растерян, потому что присутствие Кати выбивало почву из-под любой из теорий, объясняющих происходящее. На это я тоже рассчитывал, планируя операцию.

Послышался треск – это на его запястьях затянулись одноразовые наручники. Клиент упакован. Мы с Раулито рывком подняли его на ноги, обыскали. В кобуре на щиколотке нашелся компактный «Kel-Тес».⁶ Надо же, взрослый дядя, а таким дешевым барахлом пользуется.

– Кто еще в доме? – спросил я его, с силой ткнув глушителем в голову.

– Никого.

– Веди к Бернштейну, – скомандовал я. – Веди по-хорошему, добровольно, пока я тебя на ленты распускать не начал.

– Нам туда.

Он кивнул в сторону лестницы на второй этаж. Из-под нее

⁶ Kel-Тес P11 – дешевый пистолет, разработанный как оружие личной самозащиты. Популярен среди мелких преступников, а данная модификация очень компактна.

лестница поменьше вела в подвал. Я убрал в кобуру «берет-ту», даже не отвинчивая глушитель, взял его «Зиг-Зауэр», проверил на наличие патрона в патроннике, упер ему в спину и, схватив за левое плечо, за одежду, потащил Маллигана перед собой. Раулито и Мария Пилар нас страховали, а Катя вытащила из кобуры свой «вальтер» и замыкала шествие с очень воинственным видом. Девушки тоже надели перчатки, и даже Катя не забыла это сделать. Похвальная уверенность для первого в жизни боя. Лестница вниз упиралась в деревянную дверь. Я прижал Маллигана лицом к боковой стене и кивнул Боните и Раулю. Они тихо подошли к двери, держа пистолеты на изготовку, открыли ее рывком и быстро вошли.

– Чисто!

– Чисто!

– Нет там никого, – прошептал упертый лицом в стену Маллиган.

Я ударил его рукояткой пистолета по затылку, так что он врезался лбом в стену.

– Тебя не спросили, урод. Вперед.

Я втолкнул его в помещение вроде холла, из которого вели в три стороны три двери. Раулито прижался к стене, встал на колени, взял на прицел ту, через которую мы вошли, тыл прикрыл. Из показаний Хоффмана я знал, что слева находится нечто вроде личного архива Родмана, где и стоит сейф. Справа была обычная кладовка, а массивная зву-

конепроницаемая дверь прямо перед нами вела туда, откуда выносили тела убитых девушек, и за ней Хоффман ни разу не был. Я подтащил Маллигана к ней.

– Здесь? – спросил его тихо.

– Да, – быстро закивал он. – Она закрыта изнутри и звуко-конепроницаема.

– Как его позвать?

– Звонок, – показал Маллиган глазами на домофон справа от двери. Обычный домофон, без камеры.

– Скажешь ему, что в доме пожар, – сказал я, вдавливая ствол пистолета ему в спину. – Если он не откроет, я прострелю тебе позвоночник и так оставлю подыхать, а потом взорву дверь. Не вздумай о нем заботу проявить.

– Я дерьма за него не дам, – прошептал Маллиган. – Нажмите на звонок.

Я нажал на кнопку домофона, из динамика донеслось жужжание зуммера. Через несколько секунд послышался голос из динамика:

– Да?

– Мистер Бернстайн, это Маллиган. В доме пожар! Срочно уходим, пока весь первый этаж не загорелся, иначе мы в ловушке!

Хорошо прокричал, выразительно, я сам чуть не поверил. Вот как жить хочет.

– Иду! – донеслось из-под пластиковой сетки. – Отойди от двери и отвернись!

– Понял! Уже!

Стесняется, надо же. Не хочет показывать, как он веселится. Что это с ним, что он такой застенчивый? Я передал Маллигана Боните, взявшей его на прицел, а сам встал перед дверью поудобней. Раздался звук отпираемого замка, дверь начала приоткрываться. Видимо, Бернстайн решил убедиться, что Маллиган и вправду закрыл глазки, как обещал. Или решил понюхать, пахнет ли дымом? Но это мы уже проходили раньше. И я все свои восемьдесят пять килограммов вложил в пинок возле дверной ручки. Послышался стук, крик, что-то с грохотом повалилось с той стороны, я распахнул дверь и шагнул внутрь, держа трофейный «Зиг-Зауэр» двумя руками на уровне глаз.

Они еще и занавесочку повесили сразу за дверью, чтобы точно никто туда не заглянул. Куда не заглянул? А в камеру пыток. Самую обычную, как в Средние века. Никаких атрибутов из секс-шопов, крестов там и кожаных наручников. Пыточная настоящая, как в инквизиции. Дыбы, какие-то другие устройства, о которых знаю, зачем предназначены, но не знаю, как называются. Все на кирпичных стенах развешано, крючья, цепи, щипцы, ворота какие-то, цепи, мать их... И палач с занавеской борется. Оглушен и запутался, оборвал тяжелую плотную ткань на себя, когда падал: удержаться пытался. А вот палач как раз из секс-шопа. Штанишки кожаные, тщедушный волосатый торс ремнями перевязан, картуз кожаный, вроде комиссарской кепочки,

в сторону откатился. Какие-то ковбойские сапоги со шпорами на ногах. Принарядился.

Запах в подвале ужасный. Горелая плоть, кровь, экскременты. Пол частично мокрый, и шланг валяется, из него вода течет. Вода стекает в сток в полу. Полы хотел вымыть, что ли? Крови-то, крови... Все в ее потеках, брызгах, пол такой, как на бойне должен быть.

А где девушки? Я обежал взглядом подвал, высматривая их и одновременно боясь увидеть... Нет никого – только этот, ежейще в кожаных штанах, встать пытается. Я оглянулся. За мной стояли Бонита, держащая под прицелом скованного Маллигана, и Катя. Катя уже в обморок собралась, кажется. Но это и к лучшему – может быть, не надо Кате смотреть на это. Никому не надо – ни Кате, ни Боните, ни мне, – просто мне деваться некуда.

Палач сумел на четвереньки перевернуться и вдруг попытался так и рвануть от меня. Я догнал его в один шаг и с маху подъемом стопы ударил в промежность. Попал как надо – он лишь охнул и свалился набок, поджав колени. Я лицо только сейчас разглядел. Носатый, узколиций, мешки под глазами. На лбу ссадина от двери. Лысеет заметно. Вроде и молодой, но какой-то потрепанный, таких плюгавыми называют. Это они от своей плюгавости в маньяки подаются – самоутверждаются так. Сначала самоутверждаются, потом скулят, как сейчас.

Где же две девушки? Две девушки здесь должны быть, а их

нет. Крови сколько – неужели все из них? Он их что, на куски разрезал? И съел? Не видно их... Только устройства пыточные.

Затем я увидел в дальнем конце камеры пыток две решетчатые двери, за ними – нечто вроде стоячих карцеров. Видны только до середины, их какой-то дикий станок с колodками и цепями заслоняет. Может, он их в камеры запер? Мне не видно, есть ли кто-то внутри. Я проверю...

– На пол его! Держи обоих! – скомандовал я побледневшей Боните.

Она хоть и была в прострации, но поняла меня. Сшибла подсечкой Маллигана, неласково, тяжело уронила лицом вниз, взяла на прицел его и Бернштейна. От Кати уже пользы ждать было бы сложно – она по цвету стала как фаянсовая раковина, что в углу, куда вода текла из крана. Нет, раковина не белая, в ней кровавые разводы розовые: палач руки мыл, когда в дверь позвонили. А Катя просто белая, спиной о стену опирается, и хоть глаза открыты, я даже не понимаю – в сознании ли она.

Я, не опуская пистолета, пошел вперед. Обогнул какой-то стол с деревянными валиками, из которых шипы торчали, залитый кровью, на шипах клочья чего-то и сгустки кровавые. Знаете, как кровь пахнет? Попробуйте медную монету подержать во рту – появится такое же ощущение. Сейчас впечатление такое, что пригоршню мелочи под язык себе высыпал. И жуткий запах паленого – как он, тварь, сам здесь

не подход от такой вони?

Прямо за этим столом два свертка. Длинные, с человека примерно. Лежат на полу, бок о бок. Серые большие мешки для мусора, и в них что-то спрятано. Сверху местами скотчем прихвачено. Понять не сложно, что там в мешках. Форма сама за себя говорит, но мозг понимать отказывается. Я пощупал через пластик – вроде бы голова, но неправильная. Надо разрезать. У меня маленький выкидной нож всегда с собой – мало ли зачем понадобится? Вот и понадобился. Я выудил его из кармана, выщелкнул лезвие большим пальцем. Оттянул полиэтилен, чтобы случайно не порезать то, что под ним, воткнул лезвие, повел им от себя. Пластик разошелся легко и бесшумно. Я заглянул под него, боясь увидеть то, что под ним. И ничего не понял. Кровавое мясо – и все, даже непонятно, что это. Я надорвал пластик дальше, туда, где прощупывалась голова. Это голова? Это разве может быть головой?

Я судорожно проглотил слюну и отвернулся в сторону. Не сблевать, не сблевать прямо сейчас. Как мантру это повторял. Задышал глубже и чаще, добиваясь гипервентиляции, заталкивая обратно метнувшийся к горлу желудок. Чуть отпустило. Больше не буду в пакет смотреть: не хочу. Я и так все понял, а все подробности мне не нужны – я не по этим делам. Все подробности пусть сам Бернстайн знает, пока живой – благо недолго ему осталось. Сейчас я к нему вернусь... Сейчас...

Я встал, пошел назад. Катя спиной опиралась на косяк двери, ее трясло. Бонита вопросительно смотрела на меня, но тоже была бледной как смерть. Даже ее смуглая кожа побелела. Руки с пистолетом не дрожали, правда. И смотрели они обе с ужасом – видимо, такое у меня было лицо. Маллиган лежал лицом вниз, закрыв глаза, совершенно неподвижно, хотя пальцы скованных рук заметно дрожали. А Бернштейн корчился и скулил.

– Встань, Бернштейн, – сказал я плюгавцу. – Встань.

Голоса своего я не узнал. Станный какой-то, глухой и деревянный. Тот как будто не слышал меня. Я направил на него «зиг-зауэр» Маллигана, щелкнул курком, взводя его большим пальцем. Ненужное движение, ненужный звук: этот пистолет самовзводный, – но Бернштейн замолчал, явно прислушиваясь.

– Бернштейн, открой глаза, – вновь обратился я к нему. – Смотри на меня.

Он действительно приоткрыл глаза, глянул на меня искося. Что в этом взгляде было? Муть какая-то – то ли страх, то ли безумие, то ли пустота. Грязь. Как в очке сортирном. Такое же...

– Встань, или я начинаю тебя расстреливать на куски.

Бернштейн перевернулся на четвереньки, начал вставать. Появилось желание пнуть еще раз, но подумал, что потом его уже самому поднимать придется. Не хочется к нему прикасаться. Никак не хочется.

– Маллиган, у тебя какие патроны? – спросил я у лежащего родмановского холуя.

– Что? – переспросил тот.

– Какие патроны в пистолете?

– Экспансивные, – испуганно ответил тот. – Разворачивающиеся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.